DK38.7
.K35
S5

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

PARTIAL TITLE

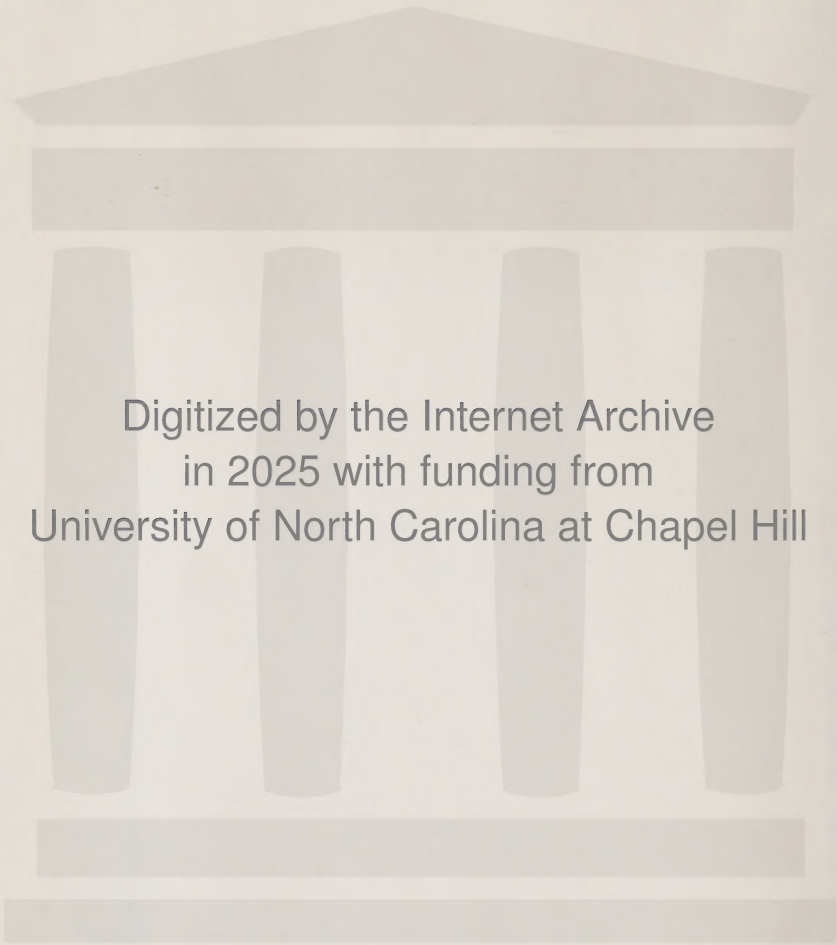
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK38.7
.K35
S5

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
AUG 24 1989			
	AUG 26 '89		
Form No. 513			


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pervyrusskiistor00shli

DK38.7
.K35
S5

PERVYI RUSSKII ISTORIK...

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИСТОРИКЪ

Н. М. КАРАМЗИНЪ

(1766—1826)

Очеркъ

профессора И. А. Шляпкина

Съ 21 рисункомъ въ текстѣ, 1 красочнымъ рисункомъ и факсимиле Н. М. Карамзина

1916

Рисунки, кромѣ красочнаго, взяты изъ собранія проф. И. А. Шляпкина.

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИСТОРИКЪ.

Вѣнецъ лежитъ на мраморѣ могилы:
И молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ великихъ силы
Святое имя—Карамзинъ.
В. А. Жуковскій.

НИКОЛАЙ Михайловичъ Карамзинъ род. 1 декабря 1766 г. въ Оренбургской г., въ с. Михайловкѣ-Преображенскомъ, куда отецъ его, симбирскій помѣщикъ, отставной капитанъ Михаилъ Егоровичъ, пріѣзжалъ хозяйничать и охотиться. Онъ былъ вторымъ сыномъ уже престарѣлаго отца и молодой матери Екатерины Петровны, урожденной Пазухиной. Мать умерла, когда будущему историографу было три года.

Вторая супруга его отца (съ 1770 г.) была Евдокія Гавриловна Дмитріева, родная тетка друга Карамзина, баснописца Ивана Ивановича Дмитріева. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г. былъ помѣщенъ неоконченный романъ «Рыцарь нашего времени» *): тамъ подъ именемъ Леона описано будто бы собственное дѣтство К. Леонъ, сынъ отставного израненнаго капитана, лишается матери на седьмомъ году. Мать его, несмотря на свои молодые годы (20 л.), имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, видимо въ виду неудачной любви, но, «непорочная душой и тѣломъ», она вышла замужъ и любила супруга-«старика» за «добродушіе». Далѣе описывается обученіе Леона дьячкомъ, знакомство съ библіотекой матери, состоявшей изъ переводныхъ романовъ. «Сіе чтеніе не только не повредило его юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства»: въ его душѣ начерталось: «любезность и добродѣтель одно, зло безобразно и гнусно».

Глубокое религіозное чувство зажглось въ душѣ Леона чудеснымъ спасеніемъ отъ медвѣдя, неожиданно убитаго молніей. Этотъ случай не выдумка, замѣчаетъ авторъ: Леонъ никогда уже не будетъ атеистомъ, если и прочитаетъ и Спинозу, и Гоббса, и Систему натуры (Гольбаха). Затѣмъ описываются друзья отца Леона, соотвѣтствующіе друзьямъ отца Карамзина,—Кудрявцеву и Куроѣдову, и ребяческая любовь Леона къ графинѣ (Мирова-Пушкина), старавшейся о приданіи внѣшняго лоска мальчику и обучавшей его французскому языку, исторіи и географіи. Грамотѣ К. научился подъ руководствомъ сельскаго дьячка, а потомъ былъ недолго во французскомъ пансіонѣ Фовеля въ Симбирскѣ. Послѣ 1773—74 г.г. Карамзинъ, по словамъ Дмитріева, сталъ учиться нѣмецкому языку подъ руководствомъ симбирскаго 50-тилѣтняго врача изъ нѣмцевъ. По совѣту сосѣда *), старый капитанъ, отецъ Карамзина, отвезъ сына въ Москву и отдалъ его въ пансіонъ Шадена. Наслѣдіемъ, увезеннымъ изъ Симбирска, была склонность къ чувствительности и меланхоліи, унаслѣдованная отъ матери, кое-какія свѣдѣнія, полученныя въ пансіонѣ, да склонность къ исторіи, уже возникшая благодаря чтенію Роллена и разсказамъ о Петрѣ Великомъ симбирскаго очевидца преобразователя, Кашинцева.

Въ пансіонъ Карамзинъ поступилъ около 1777 г. (по другимъ, 1778 г.) и пробылъ тамъ четыре (по другимъ, три) года. Докторъ философіи Тюбингенскаго университета, ученикъ Баумейстера (логика котораго служила у насъ въ тѣ времена обычнымъ руководствомъ), Шаденъ былъ директоромъ университетской гимназіи и имѣлъ собственный пансіонъ. Главное было воспитаніе, и воспитаніе сердца, но здѣсь же К. изу-

*) Первыя пять главъ написаны въ 1799 г.

*) А, можетъ, и по вліянію мачихи, о которой, кстати сказать, К. нигдѣ не говоритъ ни слова.

чилъ французскій и нѣмецкій языки. Шаденъ хотѣлъ, чтобы К. отправился послѣ Московскаго въ Лейпцигскій университетъ; но это почему-то не состоялось, и К. долженъ былъ поступить на военную службу.

Уже съ 1774 года онъ числился на службѣ въ армейскомъ полку, а въ 1781 г. началась дѣйствительная служба въ СПБ. Изъ временъ петербургскаго житья К. самымъ важнымъ было знакомство съ И. И. Дмитріевымъ. Вотъ какъ его описываетъ послѣдній: «Однажды, будучи самъ сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки. Вхожу въ горницу и вижу миловиднаго румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя. Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе... Слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы». Первымъ переводомъ К. (съ нѣмецкаго) былъ «Разговоръ Маріи Терезіи съ императрицей Елизаветой въ Елисейскихъ поляхъ», за который книгопродавецъ Миллеръ заплатилъ книгами изъ своей книжной лавки.

«Не могу, говоритъ Дмитріевъ, безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Джонса (Найденыша)». Этотъ романъ сентиментально-натуралистическаго направленія оказалъ вліяніе на послѣдующее творчество Карамзина. Въ 1783 года въ печати появился первый именной переводъ Карамзина: «Деревянная нога», швейцарская идиллія Геснера; содержаніе ея—разговоръ въ горахъ стараго воина-инвалида и молодого красиваго пастуха. Инвалидъ разсказываетъ, какъ онъ потерялъ ногу въ сраженіи и едва не погибъ, если бы не одинъ человѣкъ. Оказывается, что это былъ отецъ пастуха. Инвалидъ въ радости обнимаетъ сына своего спасителя и отдаетъ ему въ жены свою дочь, сразу влюбившуюся въ молодого красавца. По смерти отца († 1783 г.), вопреки желанію родныхъ выйдя въ отставку 1 января 1784 г. съ чиномъ подпоручика, Карамзинъ переѣхалъ въ Симбирскъ.

Въ «Посланіи къ женщинамъ» (1795) К. въ примѣчаніи говоритъ: «авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армію», а въ стихахъ такъ шутливо описываетъ себя:

Для женщинъ я хотѣлъ враговъ разить,
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отмѣнность заслужить
А затѣмъ, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя
Вложилъ свой мечъ въ ножны («Россія, торжествуй»
Сказалъ—и безъ меня») и вмѣсто острой шпаги
Взялъ въ руки листъ бумаги, чернильницу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ творцомъ
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей счастливыхъ и несчастныхъ..

Дмитріевъ, пріѣзжавшій въ Симбирскъ, видѣлъ К. играющимъ роль самоувѣреннаго свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ (карточная игра) столомъ, любезнымъ и внимательнымъ въ дамскомъ кругу и политикомъ передъ отцами семействъ. Самъ Карамзинъ въ письмѣ къ Лафатеру откровенно пишетъ: «я думалъ, что удовольствіе большого свѣта не въ состояніи отвратить меня отъ моихъ книгъ... но сердце мое меня обмануло: я сдѣлался большимъ любителемъ свѣтскихъ развлеченій, страстнымъ картежникомъ». Къ счастью, свѣтская жизнь К. недолго продолжалась. Онъ сталъ читать моралиста Юнга, сблизился чрезъ посредство Ив. П. Тургенева съ симбирскими масонами и самъ былъ принятъ въ основанную Ив. П. симбирскую ложу «Златого вѣнца» сначала ученикомъ, а потомъ товарищемъ. Иванъ Петровичъ, этотъ «достойный мужъ, открывшій глаза Карамзину на его по-

Домъ «Дружескаго Общества» въ Москвѣ, въ Банковскомъ переулкѣ, близъ Меньшиковой башни.

ложеніе» (слова К. въ письмѣ къ Лафатеру), уговорилъ его уѣхать въ Москву лѣтомъ 1785 г. (по Галахову 1784) и примкнуть къ «Дружескому Обществу» знаменитаго Новикова. К. поселился въ домѣ Общества, гдѣ жилъ А. А. Петровъ и А. М. Кутузовъ, которому чрезъ пять лѣтъ Радищевъ посвятилъ свое знаменитое «Путешествіе изъ СПБ. въ Москву». А. А. Петровъ, ученикъ проф. Шварца, былъ старше и образованнѣе Карамзина и немудрено, что К. подчинился его вліянію. «За Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ мы просиживали съ нимъ половину зимнихъ ночей», писалъ Карамзинъ въ сочиненіи, посвященномъ памяти рано умершаго († 1793 г.) Петрова—«Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона». О религіозномъ направленіи свидѣтельствуютъ и первый переводъ Карамзина Штурма и Тиде «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ» (1786—87), и поэма Галлера о происхожденіи зла (1788), заключавшая въ себѣ изложеніе «Теодицеи» Лейбница. Сюда же относятся и религіозныя стихотворенія К. съ нѣсколько піэтистическимъ настроеніемъ. Но оно не особенно глубоко затрогивало К. Съ самимъ И. П. Тургеневымъ отношенія были не особенно интимныя, равно какъ съ И. П. Лопухинымъ и кн. Трубецкимъ. Надо думать, что чтеніе англійскихъ моралистовъ и вліяніе Петрова сохранили живой темпераментъ К. отъ суроваго вліянія масонской среды и таинственностей мистицизма и воспитали въ немъ тотъ оптимизмъ, который не оставилъ его и въ послѣдующую пору жизни. Вотъ почему московскіе масоны разочаровались въ Карамзинѣ, а нѣкоторые сдѣлались его врагами. Исключеніе составлялъ Новиковъ, до конца жизни († 1818) переписывавшійся съ К. о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ, хотя и ни въ чемъ съ нимъ не сходившійся. Это не помѣшало Карамзину впослѣдствіи хлопотать передъ императоромъ Александромъ Первымъ о судьбѣ сиротъ Новикова. «Дѣйственная философія» Петрова заставила Карамзина быть соредакторомъ журнала «Дѣтское

Чтеніе», выходившаго пять лѣтъ (1785—1789—90 г.) и выдержавшаго четыре изданія (1799—1804 и 1819). Части съ IX по XVI (1787—1789) почти цѣликомъ состоятъ изъ переводовъ и стихотвореній Карамзина. Любопытенъ здѣсь опытъ первой чувствительной повѣсти К. «Евгеній и Юлія». Юлія живетъ среди изобилія природы и любитъ прекраснаго юношу; но Евгеній заболѣлъ и умеръ, а Юлія осталась жить въ меланхолическомъ уединеніи надъ его могилой.

«Дѣтское Чтеніе», говоритъ Галаховъ, справедливо называютъ «дѣтскою школою» К., въ которой вырабатывался его слогъ. Работать К. приходилось много. «Каждую недѣлю, пишетъ онъ Лафатеру, я долженъ приготовить печатный листъ для дѣтей, набрасывая и для себя самого кое-что подъ всегдашнимъ заглавіемъ: «Безпорядочныя мысли».

Личные литературные вкусы и наклонности К. получали удовлетвореніе и дальнѣйшее развитіе благодаря непрестанному широкому чтенію. А. А. Петровъ шутя писалъ К-у 20 мая 1785 г.: «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія и дальніе края озарившему! Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи или Германіи. Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености; второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло съ ногъ»...

Въ 1786 г. былъ напечатанъ К-мъ переводъ трагедіи Шекспира «Юлій Цезарь» съ французскаго перевода Летурнера и съ выборками изъ предисловія Летурнера. Любопытенъ здѣсь взглядъ, проводимый въ данное время среди господства своеобразно понимаемыхъ условныхъ, ложно-классическихъ теорій, конечно, не признававшихъ величія Шекспира и величавшихъ его грубымъ мясникомъ. «Немногіе изъ писателей,—пишетъ здѣсь К.,—столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Ш., немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Картины его непосредственно натурѣ подражаютъ. Онъ не держится театральныхъ правилъ». Въ стихотвореніи «Поэзія» (1787) К. говоритъ о Шекспирѣ:

Шекспиръ, натуры другъ!
Кто лучше твоего позналъ сердца людей?..
Во глубинѣ души нашелъ ты ключъ
таинственности рока
И свѣтомъ твоего великаго ума
Какъ солнцемъ озарялъ пути ночные
въ жизни...

Въ 1784 году К. перевелъ для театра поспѣшно и неисправно «Эмилію Галотти», трагедію Лессинга, а потомъ въ 1788 г. исправилъ ее для печати. Трагедія Лессинга по построенію и характеру интересна, какъ образецъ противодѣйствія тѣмъ же ложно-классическимъ теоріямъ. Сужденія Л. (какъ автора «Лаокоона», и «Гамбургской драматургіи») и горячаго поклонника Шекспира, совпадали со вкусами Карамзина (см. также его разборъ «Эмиліи Галотти»). Вѣроятно, здѣсь сказалось, кромѣ А. А. Петрова, и вліяніе угасавшаго въ Москвѣ, нервно разстроеннаго, нѣмецкаго поэта изъ такъ называемой школы «бурь и натиска» Ленца. Наблюденія проф. В. В. Сиповскаго надъ этимъ вліяніемъ Ленца на К. расширены и углублены проф. М. Н. Розановымъ. Воззрѣніями своими на драму К. опередилъ не только современниковъ, но явился непосредственнымъ предшественникомъ такихъ же взглядовъ Бѣлинскаго, натуральной школы Гоголя и писателей сороковыхъ годовъ.

Надо отмѣтить и выборъ этихъ двухъ пьесъ по содержанію ихъ: обѣ

онѣ касаются вопросовъ верховной власти и ея представителей. Особенно укажемъ на слова Антонія: «заговорщики свершили поступокъ свой надъ Цезаремъ великимъ изъ зависти къ нему, а Брутъ присталъ къ нимъ, руководясь лишь честной, благородной любовью къ благу общему» (д. 5, сц. V, пер. Михаловскаго). О Брутѣ и Кассіи вспоминаетъ Карамзинъ и въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи», говоря о смерти императора Павла I. Въ «Эмиліи Галотти» отецъ убиваетъ свою дочь почти съ ея согласія, чтобы она не досталась въ наложницы развратному принцу. И Брутъ, и отецъ Эмиліи—оба свободолюбцы, почти съ республиканскими идеалами. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашнему настроенію К., мечтавшему, какъ онъ самъ говоритъ, о Платоновской республикѣ (стих. «Къ добродѣтели»). Прибавимъ къ тому, что во Франціи въ 1789 г. уже слышны были раскаты грома грядущей революціи, а въ Россіи наступилъ реакціонный періодъ царствованія Екатерины: К. лично былъ свидѣтелемъ, и даже свидѣтелемъ заинтересованнымъ, въ начавшихся уже въ 1786 г. преслѣдованіяхъ просвѣтительной типографской дѣятельности Н. И. Новикова, когда былъ заарестованъ Карамзинскій переводъ «Размышленій о Богѣ» Штурма и Тиде. Лозунги: свобода, равенство и братство—слышны въ первомъ изданіи его «Писемъ». Пылкому, даже самоувѣренному русскому путешественнику стало тѣсно въ масонскомъ кругу. Отходъ отъ масонства подготовлялся и литературными вкусами К., вообще очень любившаго разнообразное чтеніе: тутъ и Платонъ, и Цицеронъ, и Тацитъ, и Шиллеръ, и Виландъ, и Гердеръ, и Попъ, и Шефтсбюри, и Монтень, и Руссо. Указываютъ, что «Новая Элоиза» Руссо сдѣлалась настольной книгой К. Духовные наши

Изъ Книгъ Сергѣя Князева 3

ЭМИЛІЯ ГАЛОТТИ,

ТРАГЕДІЯ

въ

ПЯТИ

ДѢЙСТВІЯХЪ,

сочиненная

Г. Лессингомъ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи

у Н. Новикова,

1788.

писатели даже находили идеи «добраго деизма и кантіанства» въ молодыхъ произведеніяхъ К. Такимъ образомъ, почва для разрыва была готова. Да молодой братъ «Рамзай» или «милордъ Рамзай», — прозвище К. среди масоновъ, отчасти какъ редактора «Дѣтскаго Чтенія», взятое отъ имени автора «Новой Киропедіи», не скрывалъ своего желанія разстаться съ масонами. «Передъ моей поѣздкой заграницу,—говоритъ Карамзинъ,—я откровенно заявилъ въ этомъ обществѣ, что, не переставая питать уваженіе къ почтеннымъ членамъ его и признательность за постоянное доброе ко мнѣ расположеніе, я однако же по собственному убѣжденію принимать дальше участія въ ихъ собраніяхъ не буду и долженъ проститься. Отвѣтъ ихъ былъ благосклонный: сожалѣли, но не удерживали и на проіцанье дали мнѣ обѣдъ».

Въ 1789 году К. отправился заграницу съ цѣлью «видѣть природу въ ея разнообразіи, и великихъ мужей, творенія которыхъ сильно дѣйствовали на чувство».

Проф. Розановъ отмѣтилъ и здѣсь вліяніе Ленца своими разсказами о заграничной жизни. Онъ подготовлялъ К. къ его путешествію. Любопытно, что К. какъ разъ побывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живалъ Ленцъ: Кенигсбергъ, Веймаръ, Страсбургъ, Цюрихъ, и посѣщалъ знакомыхъ Ленца: Канта, Виланда, Гете, Лафатера и др.

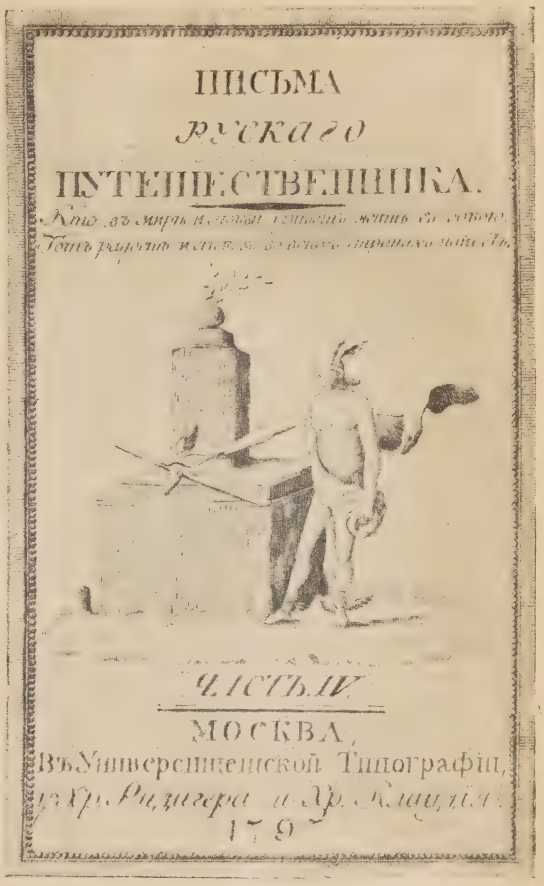
Изъ недавно опубликованной Я. Л. Барсковымъ переписки масоновъ видно, что была еще какая-то исключительная причина, принуждавшая К. на время покинуть отечество. По словамъ друга Карамзина, жены его пріятеля масона Плещеева, А. И. Плещеевой и Кутузова, было какое-то столкновеніе между К. и какимъ-то лицемѣромъ Тартюфомъ—причиной сего вояжа, причемъ Плещеевой пришлось пойти на уступки и, скрѣпя сердце, отпустить друга на чужбину и плача просить его ѣхать.

«Боюсь смертельно, пишетъ она, что онъ будетъ навсегда презирать свое отечество. А какъ я составляю часть того же, то и меня сталъ будетъ ненавидѣть».

Карамзинъ выѣхалъ изъ Москвы на СПБ. 17 мая 1789 г. и вернулся черезъ Кронштадтъ въ октябрѣ 1790 года. Онъ проѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Энергія и наивность, неумолимость и сердечность, общая жизнерадостность съ долей легкаго лукавства и самолюбія—таковы, по словамъ проф. Сиповскаго, главныя черты «Писемъ русскаго путешественника». Произведеніе это создалось частью изъ дѣйствительной переписки К. съ Плещеевыми, частью изъ его записной книжки съ летучими замѣтками и разныхъ литературныхъ источниковъ. Письма писалъ, говоритъ К., «какъ случалось дорогой на лоскуткахъ карандашемъ»; но лоскутки эти впослѣдствіи, несомнѣнно, обдумывались и отдѣлывались. Письма обхватываютъ и болѣе обширный періодъ времени, чѣмъ 1789--1790 гг., и пережили рядъ измѣненій при изданіяхъ съ 1797 по 1820 г.г. Это не біографическое, а литературное произведеніе. Въ Германіи главное вниманіе путешественника привлекала литература и ея дѣятели; въ Швейцаріи--живописная натура, свобода и благополучіе, личности Бонне та и Лафатера, и память Руссо; въ революціонной Франціи (и здѣсь путешественникъ очень остороженъ въ своихъ описаніяхъ) — театръ и нравы общежитія; въ Англіи политика и экономическій бытъ. Все это освѣщалось либеральнымъ идеализмомъ молодого автора. «Ни въ какомъ другомъ произведеніи конца прошлаго вѣка,—говоритъ академикъ Анучинъ,—не было соединено столько образовательнаго матеріала, столько интересныхъ данныхъ объ европейской литературѣ и цивилизаціи, ни одно не было проникнуто такимъ сочувствіемъ къ европейскому просвѣщенію, уваженіемъ къ выдающимся его представителямъ, увлеченіемъ успѣхами общественности; ни одно, наконецъ, не выдѣлилось въ подобной

степени изящностью и простотой формы и легкостью языка, какъ эти «Письма». Вотъ нѣкоторыя детали. На пути въ Ригу К. замѣтилъ несчастныхъ латышей, жертвъ нѣмецкихъ бароновъ, работающихъ со страхомъ и трепетомъ и приносящихъ своему господину доходу вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго мужика. Въ Базелѣ К. привѣтствовалъ швейцарскую землю живописной натуры, свободы и благополучія. Въ окрестностяхъ Лозанны онъ посѣщаетъ мѣстопребываніе Руссо, «этого страдальца злобы и предразсудковъ человѣческихъ, изгоняемаго отовсюду за то, что онъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ». Посѣтилъ онъ и Фернейскій замокъ Вольтера, борца за вѣротерпимость. Въ Цюрихѣ онъ свидѣлся съ философомъ и физіономистомъ Лафатеромъ, съ которымъ переписывался еще изъ Москвы. Замѣтимъ кстати, что съ Лафатеромъ переписку о религіозныхъ вопросахъ вела въ это же время и императрица (тогда великая княгиня) Марія Ѳеодоровна.

Впослѣдствіи при печатаніи К. сознательно умалчивалъ о своихъ симпатіяхъ, но мы знаемъ о его неосторожныхъ выраженіяхъ у Державина и о слезахъ при извѣстіи о смерти Робеспьера. Недаромъ же послѣ, при императорѣ Александрѣ I, Карамзинъ считалъ себя республиканцемъ по убѣжденіямъ, хотя и вѣрноподданнымъ Россіи. Въ Парижѣ К. былъ въ академіи по приглашенію Бартелеми, автора «Путешествія молодого Анахарзиса въ Грецію», котораго К. приравнивалъ къ себѣ—молодому скиѳу. К-ъ любуется Версалемъ, Тріанономъ, посѣщаетъ театры, бесѣдуетъ съ Мармонтелемъ и Лавуазье и задумывается надъ русской исторіей, которая еще не написана, «ибо нѣтъ еще русскихъ Тацитовъ, Юмовъ, Робертсоновъ, Гиббоновъ. Исторія Россіи Левека, съ которымъ К. познакомился, «холодна: Россія не мать ему. Говорятъ, что русская исторія незанимательна, не думаю—нуженъ умъ, вкусъ, талантъ». Тутъ же К. защищаетъ Петра и его крутыя реформы: «благодаря Петру для насъ открыты всѣ пути въ утонченіи разума. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло—быть людьми, а не славянами». Впослѣдствіи этотъ



взглядъ К. измѣнится въ противоположную сторону.

О значеніи этихъ «Писемъ» для русской публики прекрасно выразился Буслаевъ: «многочисленные ихъ читатели нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого путешественника, учась чувствовать его благородными чувствами, мечтать прекрасными мечтами».

По возвращеніи въ Москву К. поселился у старыхъ своихъ друзей Плещеевыхъ. Развязный, веселый появился онъ въ свѣтѣ, въ модномъ фракѣ, съ шиньономъ и гребнемъ на головѣ и лентами на башмакахъ. Говорилъ онъ скоро, съ жаромъ и перебиралъ всѣхъ строго. Ни военная, ни статская карьера его не интересовали. Онъ твердо рѣшилъ не поступать на службу, а цѣликомъ отдаться литературѣ и въ частности журнальному дѣлу: «журналъ выдавать не шутка—я знаю, однакожъ чего не дѣлаетъ охота и прилежность? Множество иностранныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами: ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться»,— заявилъ Карамзинъ въ I книжкѣ своего перваго журнала.

Въ этомъ стремленіи къ общественной дѣятельности нельзя не видѣть близкаго знакомства автора «Писемъ» съ вліяніемъ журналовъ въ тогдашней Западной Европѣ, и особенно во Франціи.

6 ноября 1790 г. при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было разослано на особомъ листѣ слѣдующее объявленіе:

«Съ января будущаго 1791 г. намѣренъ я издавать журналъ. Содержаніе сего журнала будутъ составлять: 1) Русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ такія, которыя, по моему увѣренію, могутъ доставить удовольствіе читателямъ. 2) Разныя небольшія иностранныя сочиненія въ чистыхъ переводахъ, по большей части изъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ журналовъ, съ извѣстіями о новыхъ важныхъ книгахъ, выходящихъ на сихъ языкахъ. 3) Критическія разсматриванія русскихъ книгъ, вышедшихъ и тѣхъ, которыя и впредь выходить будутъ, а особливо оригинальныхъ. Хорошее и худое замѣчаемо будетъ безпристрастно. 4) Извѣстія о театральныхъ пьесахъ, представляемыхъ на здѣшнемъ театрѣ, съ замѣчаніями на игру актеровъ. 5) Описаніе разныхъ происшествій, почему-нибудь достойныхъ примѣчанія. Матеріаловъ будетъ у меня довольно; но если кто благоволитъ мнѣ прислать свои сочиненія или переводы, то я буду принимать съ благодарностью все хорошее и согласное съ моимъ планомъ, въ который не входятъ только теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія, сухія пьесы». Далѣе обѣщается ежемѣсячно книжка въ восьмушку, въ страницъ 100 и болѣе, въ синей обложкѣ — «со всею типографскою точностью и правильностью, которая нынѣ въ рѣдкихъ книгахъ наблюдается»—за 5 р. въ годъ въ Москвѣ, и 7 р. съ пересылкою.

Программа журнала была выполнена въ 1790—91 годахъ, въ первомъ отдѣлѣ появились произведенія А. Барсова, Державина (Видѣніе Мурзы), Дмитріева (Модная жена, Стонетъ сизый голубочекъ), Захарова, Капниста, Карамзина, П. Кутузова, Н. и П. Львовыхъ, Нелединскаго-Мелецкаго, А. А. Петрова, Подшивалова, Ѳ. Туманскаго, Д. Хвостова. Во второмъ—переводы изъ Беля, Виланда, Горація, Калидасы, Коцебу, Мармонтеля, Мерсье, Монтескье, Нарушевича, Оссіана, Флоріана.

Здѣсь появились впервые и «Письма русскаго путешественника» и повѣсти Карамзина: Бѣдная Лиза, Фролъ Силинъ, Ліодоръ, Наталья боярская дочь. Этимъ журналомъ уже въ широкихъ размѣрахъ идетъ новое литературное теченіе, особенно въ области повѣствовательной и лирической поэзіи, проблески котораго видны были у насъ уже и раньше и которое принято называть сентиментализмомъ.

Назначеніе искусства, по мнѣнію К. распространять пріятныя впечатлѣнія въ области чувствительнаго. Героическо-раціоналистическое направленіе ложно-классицизма, исполненное холоднаго, а иногда и ходульнаго идеализма, изображавшее высокія, недоступныя большинству добродѣтели и поступки, скучныя нравоучительныя разглагольствованія, фантастика полусказочныхъ романовъ и повѣстей

здѣсь отодвигалась назадъ изображеніемъ близкой повседневной жизни съ ея роковыми случайностями и малозамѣтными жертвами, и все это на фонѣ природы и чуткаго, чувствительнаго ко всему сердца автора, питающагося часто собственнымъ воображеніемъ чужого наслажденія или чаще горя. Новый сентиментальный тонъ «Писемъ», сердечныя умиленія и изліянія автора при видѣ картинъ природы или случайно подмѣченныхъ на дорогѣ сценъ, пришлись по душѣ читателямъ Карамзина: большинство ихъ—помѣщики жили въ деревнѣ, а въ городъ только наѣзжали. Развитіе чувствительности повело къ развитію человѣчности, а любовь къ природѣ воспитывала художественное чувство русскихъ читателей.

Это главная заслуга новаго журнала съ историко-литературной точки зрѣнія. «Московскій Журналъ» имѣлъ до 300 подписчиковъ, цифра громадная для того времени, и выдержалъ два изданія. До «Московскаго Журнала», можно сказать, у насъ были читатели, а теперь образовалась читающая публика. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ появилось у насъ и масса читательницъ, до тѣхъ поръ считавшаяся единицами.

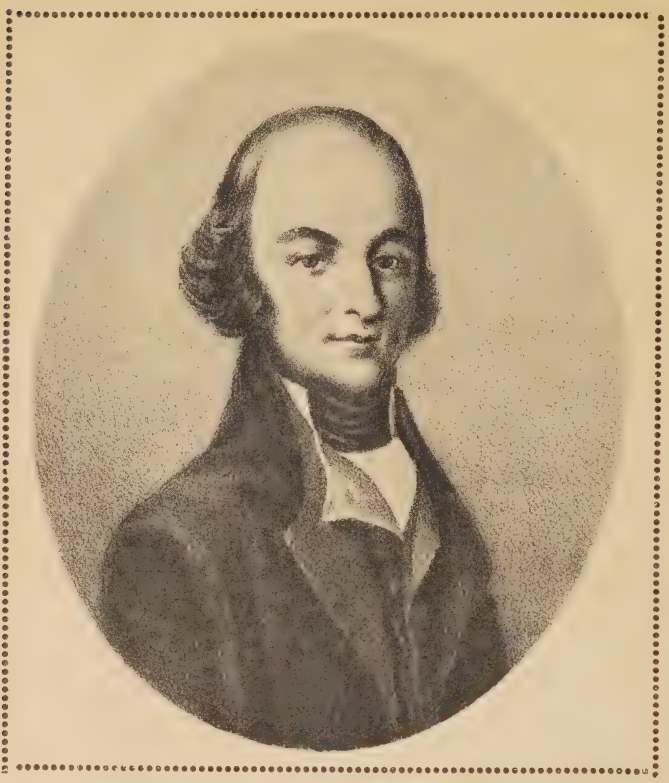
Нѣсколько высокомѣрный тонъ, мнимопрезрительное отношеніе къ родинѣ и, въ частности, къ прежней литературѣ, намеки на недостатки прежнихъ переводовъ и неудовлетворительность техники печатанія, а особенно рѣшительный отказъ принимать теологическія и мистическія статьи, задѣвалъ старыхъ пріятелей К.—масоновъ. Въ свою очередь и они (И. В. Лопухинъ, кн. Н. Н. Трубецкой, М. М. Багрянскій и А. М. Кутузовъ) отрицательно отнеслись и къ журналу и къ самому Карамзину. А. М. Кутузовъ, близкій въ свое время пріятель К., теперь склонявшійся все болѣе и болѣе къ мистической сторонѣ масонства, написалъ цѣлый памфлетъ, гдѣ осмѣивалъ намѣреніе К. исправлять родъ человѣческій и называлъ его довольно прозрачно «попугаемъ».

Плещеевы оставались вѣрными Карамзину и горячо защищали его отъ нападокъ своихъ общихъ пріятелей и знакомыхъ. Эта дружба поддерживала К. и въ изданіи журнала, и среди тѣхъ «независящихъ» отъ его воли обстоятельствъ, которыя требовали его поѣздокъ въ Петербургъ и, повидимому, стоятъ въ связи съ арестомъ Н. И. Новикова и разгромомъ «Дружескаго Общества». Не даромъ онъ печатно выразился въ журналѣ о томъ, что изданіе было бы лучше, «если бы 1791 г. не былъ для него столь мраченъ и если бы духъ его»... Но дружба А. И. Плещеевой поддерживала его, и недаромъ писалъ ей К. въ 1795 г.:

«Нанина! десять лѣтъ тотъ день
благословляю,
Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ
первый разъ.
... Что былъ я?—сиротою
Въ пространномъ мірѣ семъ; скучалъ
самимъ собою,
Печальнымъ бытіемъ. Никто меня не
зналъ,
Никто участія въ судьбѣ моей не бралъ.
Чувствительность въ душѣ питая,
Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень
находилъ.
Теперь... не мало слышу я привѣтствій,
сердцу лестныхъ...
Славнѣйшіе творцы... безсмертные пѣвцы
Меня въ любви своей, въ пріязни
увѣряютъ...
Но знай, о вѣрный другъ, что дружбою
твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей...
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? Онъ
любилъ,
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ
и другомъ былъ.

Тяжелыя «независящія» обстоятельства и финансовое разстройство по хозяйству журнала (его изданіе не окупалось) заставили Карамзина отказаться отъ изданія ежемѣсячнаго журнала, но не отъ повременныхъ изданій вообще.

Прощаясь съ читателями въ послѣдней книжкѣ «Московскаго Журнала», К. обѣщаетъ, разбирать въ тишинѣ, архивы древнихъ литературъ, «учиться, чтобы приняться за трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего. Между



Портретъ Н. М. Карамзина (около 1791 г.), принадлежалъ И. И. Дмитріеву (работы Кюнель?).

ственному безцѣнному. Тебѣ, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебѣ, единственному другу моего сердца! Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣни и благодари Вездѣсущаго! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, гдѣ часто гибнетъ добродѣтель, но человѣкъ имѣетъ утѣшеніе — любить! Сладкое утѣшеніе!.. любить друга, любить добродѣтель!.. Любить и чувствовать, что мы любимъ. Исчезли призраки моей юности; угасли пламенныя желанія въ моемъ сердцѣ, спокойно мое воображеніе. Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего тѣмъ, у меня будутъ свободные часы, можетъ быть вздумается мнѣ написать какую-нибудь бездѣлку; можетъ быть, пріятели мои также что-нибудь напишутъ. Сіи отрывки или цѣлыя пьесы намѣренъ я издавать въ маленькихъ тетрадкахъ подъ именемъ, напримѣръ, Аглаи, одной изъ любезныхъ Грацій... Она должна отличаться отъ «Московскаго Журнала» строжайшимъ выборомъ пьесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе выработаннымъ слогомъ: ибо я не принужденъ буду издаваться въ срокъ». По характеру, этотъ и слѣдующій сборникъ К. напоминалъ французскіе альманахи и англійскіе кипсеки.

«Аглая» вышла въ 2 частяхъ*) въ 1794 году и представляла собой особенно типичное явленіе нашего сентиментализма. Вотъ посвященіе второй книги: «Другу моего сердца, единискать? Къ чему стремиться?.. Къ новымъ горестямъ? Онѣ сами найдутъ меня—и я безъ ропота буду лить новыя слезы. Тамъ лежитъ странническій посохъ мой и тлѣетъ во прахѣ! Любезная! сіи двѣ слезы, которыя выкатились теперь изъ глазъ моихъ, тебѣ же посвящаю 8 окт. 1794 г.». Въ I книгѣ отмѣтимъ «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», разсужденіе «Что нужно автору» (съ выводомъ: дурной человѣкъ, не можетъ быть хорошимъ авторомъ), «Островъ Борнгольмъ» (таинственная недосказанная исторія печальнаго юноши въ Гревсендѣ и заключенной, повидимому, отцомъ въ подземную тюрьму въ замкѣ, на островѣ Борнгольмѣ, дѣвушкѣ). О популярности послѣдняго свидѣтельствуетъ распространенная въ свое время пѣсенка «Законы осуждаютъ предметъ моей любви»; во второй — богатырскую сказку объ Ильѣ Муромцѣ (не конченную); въ той и другой

*) Третья часть предполагалась, но не вышла.

частяхъ отрывки изъ «Писемъ русскаго путешественника». Приложенное здѣсь факсимиле показываетъ, какъ нравился тонъ сборника и какъвлюбленный масонъ П. А. Болотовъ разрисовалъ его переплетъ для поднесенія (въ 1798 г.) своей возлюбленной М. С. О., потомъ ставшей его женой.

Послѣ «Аглаи» К. издалъ свои произведенія изъ «Моск. Журн.» «Мои бездѣлки» (2 ч., изд. 1794, 1797 и 1801). «Мои бездѣлки» возбудили такой восторгъ въ читателяхъ, что питомцы Петербургскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, по словамъ Ѳ. Н. Глинки, собирались пѣшкомъ идти въ Москву, чтобы поклониться очаровавшему ихъ писателю. Кромѣ того, К. были изданы Мармонтелевы повѣсти (изъ помѣщенныхъ въ «Московскомъ Журналѣ» съ прибавкой новыхъ (2 ч., 1793—94, 1816 и 1822) и повѣсть «Юлія» (М. 1796).

Портретъ Н. М. Карамзина съ гравюры, приложенной при «Собраніи образцовыхъ сочиненій въ прозѣ». Часть III, Москва, 1811 г.

Остановимся на повѣстяхъ Карамзина. Самая извѣстная изъ нихъ «Бѣдная Лиза».

Повѣсть начинается описаніемъ чувствъ автора во время его посѣщеній развалинъ Симонова монастыря. Вспоминаетъ онъ о временахъ татаръ и литовцевъ, но всего чаще привлекаетъ его къ стѣнамъ монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ бѣдной Лизы. Сирота крестьянка, прекрасная, любезная Лиза жила со своей матерью недалеко отъ этихъ развалинъ. Она содержала свою мать рукодѣльемъ и продажей ягодъ и цвѣтовъ. Молодой человѣкъ Эрастъ далъ ей рубль за ландыши вмѣсто пятачка, а потомъ явился въ домъ Лизы и сталъ покупать полотно и чулки Лизиной работы. Эрастъ былъ довольно богатый дворянинъ съ изрядным разумомъ, но сердцемъ хотя и добрымъ, но слабымъ и вѣтренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, но скучалъ и жаловался на свою судьбу. Красота Лизы прельстила его; онъ рѣшилъ, что натура призываетъ его къ чистымъ своимъ радостямъ, и рѣшилъ оставить большой свѣтъ. Начались свиданія, и наконецъ, наступило исполненіе всѣхъ желаній Эраста. Онъ сталъ скучать и объявилъ Лизѣ и ея матери, что уѣзжаетъ на войну. Тѣ повѣрили. Лиза горько плакала и ждала его возвращенія. Черезъ нѣсколько времени Лиза неожиданно встрѣтила Эраста въ городѣ, догнала его экипажъ и очутилась въ его кабинетѣ. Э. заявилъ, что онъ помолвленъ, просилъ Лизу забыть его, далъ ей сто рублей и вывелъ изъ кабинета. Эрастъ дѣйствительно былъ въ арміи, игралъ въ карты, проигралъ все состояніе и, чтобы поправить свои обстоятельства, рѣшилъ жениться на богатой вдовѣ, давно въ него влюбленной. Лиза въ отчаяніи пошла домой, увидѣла у монастыря свою подругу, передала ей деньги, и со словами «скажи матери, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее», бросилась въ воду... Лизу вытащили, но она уже была мертва. Лизина мать умерла съ горя, хижина ихъ опустѣла, а Эрастъ до конца своей жизни былъ несчастливъ и считалъ

себя убійцей Лизы. Если выбросить идеализацію личностей Лизы и ея матери, то повѣсть будетъ носить вполнѣ реальный характеръ; но въ тѣ времена (да и еще не такъ давно въ сороковыхъ годахъ, хотя и не въ такой степени) идеализація крестьянской жизни была необходимымъ условіемъ успѣха повѣсти. Что могли имѣть дворяне-читатели и особенно читательницы противъ Лизы, своимъ образомъ мысли, своей рѣчью и своими манерами напоминавшей барышню (замѣтимъ кстати, что и въ дѣйствительности среди наиболѣе несчастныхъ крѣпостныхъ-дворовыхъ такія дѣвушки существовали)? Состраданіе къ судьбѣ Лизы, было состраданіемъ къ человѣку, цѣнимому по внутренней пробѣ, а не по внѣшнему клейму, которое кладутъ на него генеалогическая роспись, общественное положеніе и другія отличія. Повѣсть возбуждала чувство человѣчности, и въ этомъ наилучшая ей похвала.

«Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ»,—снимокъ съ натуры. Богатый крестьянинъ Симбирской губерніи, онъ во время голода роздалъ бѣднымъ хлѣбъ изъ своего запаса и, когда они на слѣдующій годъ принесли свой долгъ, предложилъ раздать его бѣднымъ. Повѣсть оканчивается пожеланіемъ автора, чтобы такимъ людямъ ставили памятники.

Повѣсть «Юлія» носитъ на себѣ слѣды драмы Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Надъ представленіемъ пьесы въ Берлинѣ К. когда-то плакалъ. Юлія, холодная, окруженная толпой поклонниковъ, увлекается было робкимъ Арисомъ, но скоро забываетъ его ради смѣлаго опытнаго Донъ-Жуана—князя. Князь дѣлаетъ приступъ къ добродѣтели Юліи, она ускользаетъ отъ его ласканій и выходитъ замужъ за Ариса. Арисъ поселяется сначала въ деревнѣ, а потомъ ради скучающей Юліи въ городѣ. Снова является князь, и Юлія опять имъ увлекается. Тогда Арисъ оставляетъ домъ, отдаетъ все женѣ и пропадаетъ безъ вѣсти. Тронутая Юлія удаляется въ деревню, родитъ сына Эраста, воспитываетъ его по Эмилю Руссо и живетъ въ строгомъ уединеніи. Другъ Ариса извѣщаетъ его о новомъ образѣ жизни жены, Арисъ возвращается, примиряется, и свѣтъ для нихъ не существуетъ *). Для дальнѣйшей литературной оцѣнки К. представляютъ большой интересъ его повѣсти изъ старой русской жизни—историческаго содержанія, хотя и здѣсь не изсякаетъ сентиментальное направленіе.

Въ автобіографической повѣсти «Ліодоръ» Карамзинъ высказывалъ свои симпатіи къ русской старинѣ. «Наталья боярская дочь» начинается монологомъ: «кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ»...

Дочь боярина Матвѣя Андреева влюбилась, убѣжала тайно отъ отца и обвѣнчалась съ своимъ возлюбленнымъ Алексѣемъ, сыномъ опальнаго боярина Любославскаго. Вмѣстѣ съ мужемъ, переодѣтая, она приняла участіе въ сраженіи съ литовцами и послѣ побѣды открылась царю и отцу, который простилъ молодыхъ. Оцѣнивая повѣсть, г. Апостоловъ (1916 г.) пишетъ: «К. какъ романтикъ поставилъ не только хронологическую, но и литературную грань между XVIII и XIX вѣками. Онъ проявилъ достаточно критицизма въ пониманіи историческихъ эпохъ и нарисовалъ реальныя бытовыя черты русской исторіи XVII вѣка и вложилъ въ повѣсть психологическое освѣщеніе. Въ повѣсти 1807 г. «Марѳа Посадница» авторъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ: здѣсь сказалось изученіе лѣтописей русскихъ и иностранныхъ въ періодъ 1792—1803 г. Съ глубокимъ знаніемъ сущности нашего прошлаго представлена историческая среда — новгородская

*) Повѣсть была переведена на франц. яз. въ 1797, на польскій въ 1798 и на англійскій въ 1803 г.

вольница. Оставивъ въ сторонѣ сентиментализмъ въ описаніи любви Мирослава и Ксеніи и извѣстную долю риторическаго героизма, мы видимъ созданный Карамзинымъ типъ русской исторической повѣсти. Идеализація историческихъ лицъ будетъ продолжаться въ нашей литературѣ и дальше, начиная отъ повѣстей Загоскина, Полевого, Марлинскаго и Лажечникова вплоть до «Тараса Бульбы» и «Капитанской дочери».

Въ стихотворной дѣятельности К. академикъ Гротъ справедливо отмѣтилъ недостатокъ воображенія и образности въ стихахъ и художественной внѣшней формы, но они искренни, а не надуманы; и въ силу своей искренности («мнѣ сердце было Аполлономъ»), они въ свое время были любимы, а кое-что изъ нихъ помнится даже въ настоящее время.

Вотъ примѣры изъ стихотвореній этого же періода (1791—1796):

Покойся, милый другъ, до радостнаго утра!
(Эпитафія, 1792).

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя и пр.
(«Прости», 1792).

Братья, рюмки наливайте,
Лейте черезъ край вино и пр.
(«Веселый часъ», 1794).

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
(«Надежда», 1796).

Я жилъ въ Аркадіи съ тобою.
(«Отставка», 1796).

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ.
(«Двѣ пѣсни»).

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ?
(«Островъ Борнгольмъ»).

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.
(Посланіе къ А. А. П.).

Историкъ литературы не забудетъ и первой баллады—гишпанской пѣсни «Графъ Гваринось» (1789 г.), и «Ильи Муромца», вызвавшаго извѣстную эпиграмму Пушкина.

Въ стихахъ К. въ зачаточномъ видѣ находятся характерныя черты романтизма: и обращеніе къ старинѣ, и чувство природы, и черточки народной стихіи, и грусть, и мечтательность — все, что впослѣдствіи пышнымъ цвѣтомъ развернется въ близкомъ почитателѣ и благопріятелѣ К., В. А. Жуковскомъ. Важно и разнообразіе размѣровъ стихотвореній Карамзина.

Въ 1796—99 г. вышли три книжки «Аонидъ» (музы) или собранія разныхъ новыхъ стихотвореній. Карамзинъ пишетъ въ предисловіи I книги: «почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ ежегодно издается собраніе новыхъ мелкихъ стихотвореній, подъ именемъ «Календарь Музъ»; мнѣ хотѣлось выдать и на русскомъ нѣчто подобное... Во второй книгѣ, разсуждая о пользѣ стихотворства, К. писалъ: «Литература, имѣя вообще вліяніе на пріятность жизни, свѣтскаго обхожденія и на совершенство языка (неразрывно связаннаго съ умственнымъ и моральнымъ совершенствомъ каждаго народа) бываетъ всего полезнѣе, всего пріятнѣе для тѣхъ, которые въ ней упражняются—она занимаетъ, утѣшаетъ ихъ въ сельскомъ уединеніи; она настраиваетъ ихъ душу къ глубокому чувству красоты природы и къ тѣмъ нѣжнымъ страстямъ нравственности, которыя были и всегда будутъ главнымъ источникомъ земного блаженства»...

Произведеній Карамзина здѣсь очень немного; зато здѣсь помѣщены труды почти всѣхъ литераторовъ того времени.

Въ 1798 году вышелъ подъ редакціей К.—«Пантеонъ иностранной словесности», а въ 1801 г. «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» (съ портретами), изданный въ компаніи съ П. Бекетовымъ.

Эти годы были тяжелыми годами жизни Карамзина: его матеріальныя

средства были довольно скудны и зарабатывались почти только литературнымъ трудомъ — доходы съ наслѣдственной части симбирскаго имѣнія были ничтожны. Да и въ литературѣ въ царствованіе Павла наступилъ цензурный гнетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это было въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Есть преданіе, что императору Павлу былъ поданъ доносъ И. П. Голенищевымъ-Кутузовымъ съ обвиненіемъ Карамзина въ якобинствѣ, проглядывавшемъ-де въ его сочиненіяхъ, но за К. заступился гр. Ѳ. В. Растопчинъ. Все окружающее въ то время настраивало энергичнаго, но и чувствительнаго К. на грустный тонъ, но онъ не терялъ бодрости. Мы читаемъ въ его «Меланхоліи» подражаніи Делилю (1800):

Меланхолія—нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ
наслажденья.
Веселья нѣтъ еще, но нѣтъ уже мученья...
Отчаянье прошло... но, слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще
не смѣешь
И матери своей «печали» видъ имѣешь,
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
Въ уединеніи ты болѣе съ собою...
Веселіе твое—задумавшись молчать
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

Какъ бы то ни было, любовь къ женщинѣ (предполагаютъ, давнишняя) и желаніе устроить собственную семью охватили 34-лѣтняго Карамзина: въ апрѣлѣ 1806 г. онъ женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ его друга—Анастасіи Ивановны Плещеевой.

Приготовляя къ печати свои Пантеоны, К. писалъ Дмитріеву 1 марта 1798 года: «Я перевожу лучшія мѣста изъ книгъ иностранныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ; иное для идей; иное для слога. Греки, римляне, французы, нѣмцы, англичане, итальянцы—вотъ мой магазинъ, въ которомъ роюсь всякое утро часа по три! Мнѣ надобно переводить—для кошелька моего»: «весело быть первымъ, а мнѣ и послѣднимъ быть мѣшаетъ цензура... Цензора говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно... У насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкою»... (27 іюля 1798) «Цензура, какъ черный медвѣдь стоитъ на дорогѣ, къ самымъ бездѣлицамъ придирается». (18 августа 1798) «Здѣшніе цензоры при новой эдиціи (изданіи) Аонидъ поставили крестъ на моемъ «Посланіи къ женщинамъ». Такая же участь ожидаетъ и «Аглаю», «Мои бездѣлки» и «Письма русскаго путешественника», т. е., вѣроятно, что цензоры захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцію и, умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература». (12 октября 1798) «Музы закрыли свои лица чернымъ покрываломъ» писалъ К. про это время, и понятно, какъ по кончинѣ Павла онъ обрадовался, что «умолкъ ревъ Норда сиповатый». К. привѣтствовалъ новое царствованіе двумя одами императору Александру Первому:

Россій Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ...
Такъ милое весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы...
Весна у насъ, съ тобою мы!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ...
Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь.
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь...
Великъ какъ Богъ законодатель,
Онъ—мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ...
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ...
Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ рабовъ,
Но ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ...
Тебѣ одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Любовь со страхомъ несовмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена...

Кромѣ двухъ одъ, посвященныхъ императору, К. сочинилъ въ это время и похвальное слово императрицѣ

Переплетъ „Аглаи“.

Сборникъ Н. М. Карамзина 1795 г., разрисованный П. А. Болотовымъ.

Екатеринѣ. Собственно, къ личности императрицы К. былъ довольно холоденъ, но ему видимо хотѣлось высказать свои мысли о задачахъ предстоящаго царствованія. Въ «Словѣ» К. даетъ рядъ блестящихъ характеристикъ и представляетъ полную картину царствованія Екатерины.

Слово было поднесено новому императору черезъ Д. П. Трощинскаго, и авторъ получилъ табакерку съ брилліантами, впрочемъ, не очень блестящими, какъ самъ онъ это отмѣтилъ. Такія отношенія въ тѣ времена не казались предосудительными. Да и къ тому же К. вѣрно и искренно выражалъ общія чувства русскихъ къ новому государю. «У насъ на тронѣ человѣкъ»,—писалъ Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г. «Великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самаго вѣка... Цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей». И это оправдалось учрежденіемъ новыхъ университетовъ—въ Казани, въ Харьковѣ, преобразованіемъ университетовъ Московскаго, Виленскаго, Юрьевскаго, новымъ уставомъ академіи наукъ, духовныхъ училищъ, учрежденіемъ особаго министерства народнаго просвѣщенія и пр.

И въ это «дней Александровыхъ прекрасное начало», по просьбамъ образованнаго московскаго купца, книгопродавца И. В. Попова, К. составилъ планъ изданія совершенно новаго журнала по европейскому образцу. 9 октября 1801 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось слѣдующее объявленіе.

«Съ будущаго января 1802 года намѣренъ я издавать журналъ подъ именемъ «Вѣстника Европы», который будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Литература и политика составятъ двѣ главныя части его. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ,

Бесѣдка Карамзина въ саду близъ Симонова монастыря.

и какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья... Журналъ будетъ выходить книжками два раза въ мѣсяцъ... (по 80 страницъ, въ большую осьмушку — каждая книжка)... Цѣна въ Москвѣ 12 р., съ пересылкой 15 р.».

Въ первой книжкѣ К. писалъ: «Въ Россіи литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе: изящное тѣмъ сильнѣе дѣй-

ствуетъ на сердце, и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ».

Въ объявленіи на второй годъ изданія (1803) и послѣдній годъ своего редакторства К. пишетъ: «Вѣстникъ Европы» будетъ сообразно съ его титуломъ содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ литературѣ и политикѣ... Немногіе получаютъ иностранные журналы, а многіе хотятъ знать, что и какъ пишутъ въ Европѣ. Въ «Вѣстникѣ» будутъ и русскія сочиненія... но издатель желаетъ, чтобы они могли безъ стыда для нашей литературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ авторовъ. Мы не аристократы въ литературѣ: смотримъ не на имена, а на произведенія и сердечно рады способствовать извѣстности молодыхъ авторовъ... Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностью нашей литературы»...

Иностранныя статьи и свѣдѣнія политическія и литературныя, соотвѣтствующія нынѣшнимъ передовицамъ, составляютъ главное содержаніе «Вѣстника Европы» и отличаются большимъ разнообразіемъ. Эти обзоры цѣликомъ принадлежатъ перу Карамзина. Здѣсь онъ—нашъ первый европейскій публицистъ, съ удивительною проницательностью: таковы его статьи о Бонапартѣ, о его грядущей роли и о составѣ европейской коалиціи (Россія, Англія, Австрія и Италія) въ случаѣ возможной войны.

Почти всѣ прочія прозаическія статьи принадлежатъ перу одного К. *), и даже и теперь нельзя не удивляться этой кипучей дѣятельности. Здѣсь помѣщены повѣсти: «Марѳа посадница» и «Рыцарь нашего времени» (подражаніе Ж. Поль Рихтеру); разсужденія: «О любви къ отечеству и народной гордости», «О счастливѣйшемъ времени жизни» (это — послѣдняя эпоха зрѣлаго возраста — передъ началомъ увяданія), о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, статьи о русской торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи, путешествіе вокругъ Москвы, историческія воспоминанія (на пути изъ Москвы къ Троицкой лаврѣ) дворянинъ — профессоръ въ Россіи (Григ. Глинка—проф. Юрьевскаго университета, первый профессоръ изъ дворянъ).

Журналъ имѣлъ успѣхъ для того времени невѣроятный: онъ уже первый годъ имѣлъ 1200 подписчиковъ. Политическія и общественныя статьи К. примѣчательны по своей ясности, вѣрности, убѣдительности и мастерству изложенія. Говоря о состояніи Европы въ концѣ XIX вѣка, К. высказываетъ свои воззрѣнія на ходъ исторической жизни вообще.

Революція, грозившая поглотить всю цивилизацію, принесла и пользу: «Теперь государи вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону: они чувствуютъ важность союза съ лучшими умами, уважаютъ общественное мнѣніе и стараются пріобрѣсти любовь народную уничтоженіемъ злоупотребленій. Съ другой стороны, революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ... Что, разбивая сію благодѣятельную эгиду, народъ дѣлается жертвой ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти... Учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума: одно время и благая воля законныхъ правителей должны исправить несовершенство гражданскихъ обществъ. Любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть, и, жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые... вѣчно жалуются, мы не хотимъ впасть и въ другую крайность,—не хотимъ увѣрить себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства»... Въ извѣстной статьѣ: «О любви къ отечеству и народной гордости» («В. Е.», 1802, № 4) К. требуетъ, чтобы рус-

*) *Полуденскій.* Указатель статей. В. Е. М. 1860.

Видъ Симонова монастыря (по современному рисунку).

скій народъ сталъ рядомъ вмѣстѣ съ другими народами и сказалъ ясно свое имя, требуетъ самостоятельности сознанія, гордости народной. Идеалы народные замѣняютъ теперь у Карамзина прежніе общечеловѣческіе идеалы, носившіе нѣсколько туманный, отвлеченный характеръ. К. уже требуетъ дѣятельной любви къ отечеству и вызываетъ, особенно высшій классъ, на улучшеніе быта крестьянъ, заведеніе школъ, больницъ, поощреніе земледѣлія, торговли, промышленности, прорытіе каналовъ. Главнымъ средствомъ для успѣха должно служить просвѣщеніе, но оно будетъ тогда только дѣйствительно и принесетъ пользу странѣ, когда проникнетъ въ простой народъ, въ классъ землепашцевъ: необходимы сельскія школы, необходимы и университеты. Въ XIX вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства.

Личная жизнь К. въ это время сложилась неособенно благополучно: К. любилъ жену, но она была слабаго здоровья и 4 апрѣля 1802 г. скончалась, оставивъ дочь Софію. К. тосковалъ по любимой женѣ цѣлый годъ, но заботы о дочери и изданіе журнала невольно отвлекали его отъ тяжелыхъ воспоминаній. Утѣшалъ его, конечно, В. А. Жуковскій, переѣхавшій въ 1803 г. къ К. на житье въ село Свиблово. Въ мартѣ К. невольно сблизился съ кружкомъ будущаго «Арзамаса».

Въ 1803 году вышла въ свѣтъ книга А. С. Шишкова «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка». Въ ней Шишковъ довольно ядовито осуждаетъ авторовъ новаго слога, задѣвая не столько самого Карамзина, какъ его подражателей, и приводитъ примѣры въ родѣ: голова, образованная для тайной связи съ невинностью и др. Наряду съ этимъ Ш. отвергалъ и вошедшія въ языкъ новыя выраженія, напр.: развитіе, утонченный, трогательно, занимательно и др. Началась журнальная полемика, продолжавшаяся до 10 годовъ и даже позже, распространившаяся не только на вопросы слога, но и на теоретическіе вопросы словесности, и приведшая (1815) къ основанію шутливаго литературнаго общества «Арзамасъ». Въ описываемое время за К., кромѣ Жуковскаго, стояли будущіе арзамасцы Д. В. Дашковъ, В. Л. Пушкинъ, бр. А. и Н. Тургеневы, дѣти старика И. П., кстати замѣтимъ, не сдѣлавшіеся масонами по примѣру любимаго отца († 1806).

Во время этой войны Д. Н. Блудовъ написалъ слѣдующую эпиграмму (1809):

Угодно ль, господа, межъ русскими пѣвцами
Вамъ видѣть записныхъ Карамзина враговъ!
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами
И вотъ блѣднѣющій надъ святцами Шишковъ.
Они умомъ равны, обоихъ зависть мучитъ.
Но одного сушитъ она, другого пучитъ.

Вопреки разсужденіямъ старика А. С. Шишкова (1803—1810), реформа Карамзина получила право гражданства въ русской литературной рѣчи. Она коснулась двухъ сторонъ: строя рѣчи и словаря. Карамзинъ, отрицая Ломоносовскія традиціи, требовалъ разстановки словъ, уже близкой къ обыкновенному разговору или разсказу, съ одной стороны, и короткаго строя предложеній по возможности,—съ другой, хотя въ патетическихъ мѣстахъ своей «Исторіи» или въ разсужденіяхъ и самъ мѣстами отступалъ отъ этихъ требованій. Хотя Ломоносовъ, по словамъ К. («Пантеонъ русскихъ писателей» 1801—1802), былъ первый образователь русскаго языка и открылъ изящность, силу и гармонію русскаго слова, но проза его вообще не можетъ служить образцомъ; длинные періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мысли и не всегда

пріятно для слуха. Раздѣляя новый русскій слогъ на четыре эпохи: (первую отъ Кантемира до Ломоносова, вторую отъ Ломоносова до славянскорусскихъ переводовъ Елагина, третью отъ Елагина до своего времени,—К. отмѣчаетъ свое время, въ которое образуется «пріятность слога».

Въ этотъ моментъ произошелъ неожиданный переломъ въ жизни Карамзина.

Карамзинъ - литераторъ уходитъ отъ полюбившихъ его весьма многочисленныхъ читателей и посвящаетъ себя въ глубокомъ уединеніи дѣлу, важному и, безъ сомнѣнія, трудному: «время покажетъ, писалъ онъ въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы», могъ ли я безъ дерзости на то отважиться».

«Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься исторіей: тамъ все говоритъ о томъ, что было и чего уже нѣтъ». Вотъ слова К. (1806 г.), которыя даютъ возможность перекинуть мостикъ отъ сентиментальнаго направленія молодого Карамзина, чрезъ его журнальную дѣятельность, къ интересамъ автора «Исторіи Государства Россійскаго».

Домъ въ с. Остафьевѣ, гдѣ Карамзинъ около 12 лѣтъ писалъ свою «Исторію». «Карамзинская» комната выходитъ въ садъ и расположена во второмъ этажѣ. Имѣніе графа С. Д. Шереметева, женатаго на внучатной племянницѣ жены Карамзина, княжнѣ Е. П. Вяземской.

Интересъ къ русскому прошлому былъ уже нами не разъ отмѣчаемъ выше и въ «Письмахъ русскаго путешественника», и въ бытовыхъ повѣстяхъ Карамзина (и даже въ «Бѣдной Лизѣ»); напомнимъ и его заявленіе о погруженіи въ архивы прошлаго послѣ прекращенія «Московскаго Журнала»; не забудемъ, конечно, и его историческихъ повѣстей; историческія наклонности К. сказались, наконецъ, съ особой силой въ «Вѣстникѣ Европы»: здѣсь уже цѣлый рядъ историческихъ статей,

показывающихъ въ авторѣ человѣка, хорошо знакомаго и съ источниками русской исторіи, и съ ея изслѣдователями. Такъ, въ статьѣ «Тайная канцелярія» онъ полемизируетъ со Шлецеромъ. Недаромъ же еще въ 1800 г. К. писалъ Дмитріеву: «Я по уши влѣзъ въ Русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ». 6 іюля 1803 г. онъ писалъ брату: «Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ («Вѣстникъ Европы»), пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій—за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ, но все зависитъ отъ Провидѣнія».

28 сентября 1803 г. К., наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и разговоровъ съ И. И. Дмитріевымъ, написалъ письмо товарищу министра народнаго просвѣщенія, попечителю Московскаго университета, писателю Михаилу Никитичу Муравьеву: «Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія и болѣе всего увѣренный въ вашей любви къ славѣ отечества и Русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи. Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы,—однимъ словомъ, сочинять Русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою... Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы, но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 р. доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики и котораго издѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ намѣреніи написать исторію неварварскую и непостыдную для его царствованія... Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время, надѣюсь управиться съ исторіею, и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставила бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагаютъ мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностью (профессора), неблагопріятною для таланта»... М. Н. Муравьевъ доложилъ тогда же письмо государю, и такое было тогда свѣтлое время, что 31 октября 1803 г. состоялся указъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» о назначеніи К. исторіографомъ 2000 р. «ежегоднаго пенсіона». Карамзинъ отвѣтилъ Муравьеву письмомъ, котораго снимокъ здѣсь и прилагается. Карамзину были открыты, по его просьбѣ, Высочайшимъ повелѣніемъ архивы и монастырскія библіотеки. Счастье улыбнулось Карамзину. 8 января 1804 г. онъ женился на дочери кн. А. И. Вяземскаго, Екатеринѣ Андреевнѣ Колывановой, сводной сестрѣ извѣстнаго поэта и друга Пушкина, мистически во снѣ указанной К. первой его супругой. Домъ князя Вяземскаго, который посѣщали Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, кн. Лобановъ-Ростовскій, князь Бѣлосельскій, И. И. Дмитріевъ, былъ видимо давно уже открытъ и для Карамзина: сохранилось письмо К. отъ 2 ноября 1796 г., гдѣ онъ скорбитъ объ отсутствіи князя, «чувствительномъ въ Москвѣ для тѣхъ, которые имѣли честь и удовольствіе проводить иногда вечерніе часы въ домѣ князя, пріятномъ для Музъ, Грацій, философовъ и свѣтскихъ людей». Карамзинъ не разъ засиживался у князя за полночь, такъ что гувернеръ молодого князя, французъ Дан-

дилли, прозвалъ Карамзина monsieur Minuit-à-demi(полунощникомъ).Князь А. И. Вяземскій горячо любилъ свою внѣбрачную дочь и хлопоталъ (хотя и тщетно) удочерить ее и дать ей часть въ родовомъ имѣніи. Извѣстный Н. С. Мордвиновъ привѣтствовалъ Катерину Андреевну съ счастливымъ выборомъ мужа: «по его сочиненіямъ видны его чуткій умъ и нѣжное сердце. Теперь ему нечего воображать, онъ будетъ рисовать ихъ прямо съ натуры—съ васъ самихъ». Карамзинъ на лѣто поселился въ имѣніи своего тестя, въ с. Остафьевѣ (Подольскаго уз., Московской губерніи), и съ энтузіазмомъ принялся за свою излюбленную работу. Зимой онъ жилъ, повидимому, въ московскомъ домѣ князя, у Колымажнаго двора. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій († 1870) поручилъ нашему исторіографу предъ смертью опеку надъ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, будущимъ поэтомъ кн. Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, и хлопоты объ имѣніяхъ молодого князька.

Портретъ Н. М. Карамзина (съ Тропинина), гравированный въ 1819 г. Н. И. Уткинымъ (изъ книги: «Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ», ч. IV, изд. 2-е, Спб., 18..4 г.).

Воротившійся изъ Геттигенскаго университета въ Москву и занимавшійся, между прочимъ, и у Шлецера юристъ, а потомъ историкъ А. И. Тургеневъ писалъ А. С. Кайсарову (1805): «Карамзинъ, братъ, удивительныя свѣдѣнія имѣетъ въ критической Русской исторіи... Онъ пользуется Стриттеровой *) и другими библіотеками. Пишетъ тихо, не вдругъ и работаетъ прилежно, я говорилъ съ нимъ много и удивлялся его знаніямъ и усердію». И дѣйствительно, къ февралю 1805 г. К. написалъ вчернѣ первый томъ исторіи (до смерти св. Владиміра, 1015 г.).

Въ этомъ же году К. предложилъ въ Московскомъ университетѣ темы на медаль: о древности кириллицы и глаголицы, о Кириллѣ и Меѳодіи, эпохахъ исправленія славянскихъ переводовъ св. Писанія и о времени и опредѣленіи народа Волоховъ, вытѣснившихъ славянъ съ Дуная.

Дѣло подвигалось впередъ. А. И. Тургеневъ писалъ брату Н. И. 23 іюля 1808 г.: «Вчера былъ у Карамзина въ деревнѣ: восхищался его образомъ жизни, его семейственнымъ счастьемъ, наконецъ его Исторіей. Я еще

*) Авторъ Memoriae populorum—выдержки изъ классическихъ писателей о сѣверныхъ народахъ. Сочиненіе вдохновлено Шлецеромъ.

ни на русскомъ, ни на другихъ языкахъ ничего подобнаго не читалъ... Какая критика, какое изслѣдованіе, какой историческій умъ и какой простой, но сильный и часто краснорѣчивый слогъ! Онъ превзошелъ себя. Скажи это Шлецеру. Открытія его въ Русской исторіи, собраніе его рѣдкихъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ рукописей удивитъ его... Какой порядокъ въ расположеніи и какъ онъ умѣлъ пользоваться лѣтописями». Въ 1809, онъ же и тому же: «Я читалъ исторію К. и радовался, что наконецъ русскіе имѣютъ или по крайней мѣрѣ скоро будутъ имѣть исторію, достойную русскаго народа. Такую исторію... можно было написать только при матеріалахъ и источникахъ, которые онъ собралъ; но къ чести его еще сказать можно, что нѣкоторые его матеріалы имѣли и другіе ...но не умѣли ими воспользоваться и не нашли въ нихъ того, что онъ нашелъ... К.—одинъ изъ лучшихъ историковъ этого столѣтія, считая и прошедшее, которое прославили Шлецеры, Миллеры, Робертсоны и Гиббоны. Онъ смѣло можетъ быть наряду съ ними»...

Съ какимъ энтузіазмомъ относился К. къ историческимъ памятникамъ, видно изъ того, что, найдя новую Волынскую лѣтопись до 1297 г., К. нѣсколько ночей не спалъ отъ радости. Друзья К. отмѣтили, что онъ сталъ просто несноснымъ—только и разговоровъ, что объ исторіи.

Самъ Карамзинъ располагалъ библіотеками: богатой личной, Московскаго университета, Спб. публичной (главнымъ образомъ, собраніемъ гр. І. Залусскаго), Московской синодальной, правительственными и нѣкоторыми иностранными и монастырскими архивами и т. д. Былъ привлеченъ огромный матеріалъ русскій и иностранный, рукописный, печатный. К—нъ провѣрялъ всякое указаніе своихъ друзей: иниціатива въ поискахъ нужнаго матеріала вездѣ принадлежала К.

Работѣ Карамзина помогали и другія лица: книгами и документами уже упомянутый А. И. Тургеневъ, извѣстный собиратель рукописей графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ († 1817), завѣдывавшій московскимъ архивомъ мин. ин. дѣлъ А. Ѳ. Малиновскій, археографы К. Ѳ. Калайдовичъ, П. М. Строевъ, В. М. Рихтеръ (историкъ медицины въ Россіи) Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскіе. Помогали своимъ вліяніемъ Н. Н. Новосильцевъ, особенно послѣ смерти М. Н. Муравьева († 1807), Ѳ. В. Ростопчинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ О. И. Козодавлевъ, члены кружка Арзамаса.

Повидимому, чрезъ Ростопчина К. познакомился съ великой княжной Екатериной Павловной.

Великая княжна Екатерина Павловна, впослѣдствіи королева Виртембергская, вышла замужъ въ 1809 г. за герцога Георга Ольденбургскаго. Мужъ ея былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Тверь, и здѣсь для нихъ былъ выстроенъ дворецъ. Письма вел. кн. большею частью на французскомъ языкѣ, говоритъ проф. Буличъ, показываютъ, что несмотря на плохое знаніе русскаго языка, она любила Россію, была знакома съ литературой и исторіей русской и гордилась своей родиной. К. впослѣдствіи посылалъ въ Штутгардтъ новыя книги по исторіи Россіи и въ томъ числѣ и свою «Исторію». К. она почитала какъ человѣка «чувствительнаго и добродѣтельнаго» и съ удовольствіемъ слушала его «Исторію». Но не надо думать, что К. почивалъ на розахъ. Въ 1810 г. К. получилъ, благодаря хлопотамъ И. И. Дмитріева, крестъ св. Владиміра 3 степени «за усердіе по распространенію россійскихъ изящныхъ письменъ и словесности, а наипаче за труды въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи». Тогда попечитель московскаго учебнаго округа Голенищевъ-Кутузовъ подалъ министру нар. просвѣщенія графу Разумовскому формальный доносъ на К.: «сочиненія К. исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда... онъ явно проповѣдуетъ безбо-

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

No 13.

МѢСЯЦЪ ІЮЛЬ

жіе и безначаліе... Не орденъ бы ему надо дать, давно бы пора его запереть» и пр., но благодаря великой княгинѣ доносъ остался безъ послѣдствій.

Въ срединѣ марта императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Тверь. И. И. Дмитріевъ, тогда уже министръ юстиціи, сообщилъ К. желаніе императора видѣть историографа: К. хотѣли въ это время (или позднѣе) сдѣлать министромъ народ. просвѣщенія. Екатерина Павловна представила въ своемъ кабинетѣ Карамзина и его жену государю, только что пріѣхавшему, и «разговоръ нашъ, говоритъ К., въ пятеромъ продолжался около часу». Затѣмъ Карамзины два раза обѣдали съ государемъ, а 17 марта Н. М. приказано было явиться для чтенія въ восемь часовъ, причемъ «никого изъ постороннихъ не будетъ». Тутъ К. читалъ императору отрывки изъ исторіи и знаменитую «Записку о древней и новой Россіи». Тогда «Записка» не понравилась императору Александру, но впослѣдствіи его взглядъ измѣнился. «Исторія государства Россійскаго» доведена лишь до 1612 г., а въ «Запискѣ» мы знакомимся съ историческимъ міросозерцаніемъ великаго русскаго историка во всемъ его объемѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, во взглядахъ К. происходили частныя измѣненія. Можно не соглашаться съ его пожеланіями въ наше время, находить ошибки въ его обобщеніяхъ, но ошибки, вызванныя состояніемъ разработки русской исторіи того времени; можно упрекать его въ исторической близорукости, но нельзя усомниться въ его искренности, въ его желаніи сказать безъ лести и прикрасъ то, что онъ считалъ истиннымъ и справедливымъ. «Записка» даетъ ключъ къ пониманію государственныхъ теченій и въ послѣдующія за Карамзинымъ царствованія...

«Записка» распадается на двѣ части: первая, и для насъ наиболѣе важная,—обзоръ хода русской исторіи; вторая — разборъ царствованія Александра I до 1811 г. «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее». Послѣ призванія князей исчезли междоусобія и благодаря побѣдамъ установилось «единовластіе на развалинахъ множества державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія». Въ XI вѣкѣ при Ярославѣ «Россія не только была обширнымъ, но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ государствомъ». Она погибла изъ-за раздѣленія благодаря удѣльной системѣ (Карамзинъ считалъ этотъ порядокъ съ 1054 г.). Слабую Россію легко побѣдили и завладѣли ею варвары-монголы, и казалось, Россія погибла навѣки», но «городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка, возвы-

силъ главу и спасъ отечество—да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя собирателя Земли Русской, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра»... Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое; надлежало еще связать ихъ твердо, и единовластіе усилить самодержавіемъ: при Іоаннѣ III произошла органическая связь древнихъ восточныхъ нравовъ, принесенныхъ славянами въ Европу, подновленныхъ ...связью съ монголами, византійскихъ и нѣкоторыхъ варяжскихъ... Внутри самодержавіе укоренилось...—всякая власть была изліяніемъ монаршей... Наконецъ, царь сдѣлался для всѣхъ россіянъ земнымъ богомъ. Іоаннъ IV, возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины... Никогда и нигдѣ грознѣе самовластіе не предлагало столько жестокихъ искушеній для народной добродѣтели—для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ».. Годуновъ... «среди великихъ усилій человѣческой мудрости и въ сліяніи добродѣтелей наружныхъ погибъ, какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ».Лжедимитрія, привѣтствуемаго усердно народомъ при въѣздѣ въ Москву, россіяне перестали уважать за презрѣніе къ народнымъ обычаямъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе бояръ (ограничившихъ его власть) кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства. Многоглавая гидра аристократовъ недолго владычествовала въ Россіи.. Правительство рушилось, государство погибало. Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества; отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти произвели общее славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству бояръ. Москва освободилась... Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: и тѣ и другіе единогласно и единодушно именовали Михаила самодержавнымъ монархомъ неограниченнымъ*). Древніе княжескіе роды, безъ сомнѣнія, имѣли болѣе права на корону, но у нихъ было много родственниковъ: они могли бы дать имъ власть фактическую и тѣмъ ослабить самодержавіе». Указавъ вкратцѣ на Боярскую думу, необходимость учрежденія Приказовъ и Уложеніе, послѣ хартіи Михаилова избранія донынѣ (тогда еще не было Свода законовъ) важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества, К. переходитъ къ эпохѣ Петра. Россіяне при Романовыхъ сближались съ Европой: явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ области воспитанія и ученія... «ибо, нѣтъ сомнѣнія Европа еще отъ XII до XVIII в. далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ насилія. Явился Петръ. Онъ сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли... Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, непоколебимую волю, дѣятельность, неутомимость, умѣнье выбирать слугъ. Но была и вредная сторона его царствованія — оставимъ его личные пороки. — Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государства... Онъ—ничто иное, какъ привязанность къ нашему особенному, ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древ-

*) Карамзину не были извѣстны борьба партіи 1613 г. и преданіе объ ограничительной записи бояръ, старавшихся удержать въ плѣну Филарета.

Тверской дворецъ, гдѣ Карамзинъ читалъ свою «Записку о древней и новой Россіи» императору Александру I. Теперь занятъ (частью) музеемъ Тверской ученой архивной комиссіи.

ніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ?.. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи— виною—Петръ! Далѣе указаны ужасы самовластія въ Тайной канцеляріи, работавшей день и ночь въ Преображенскомъ и паденіе духовенства. Первосвятители наши уже стали только угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя... Если государь судитъ сановниковъ церкви или награждаетъ мірскими почестями *) и выгодами, то церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный: усердіе къ ней слабѣетъ, а съ ней и вѣра»... Далѣе указанъ неудачный выборъ мѣста для новой столицы. Но сильною рукою дано новое движеніе Россіи: мы уже не возвратимся къ старинѣ. Слабость преемниковъ Петра повела къ образованію олигархіи. Анна утвердила власть неограниченную, Остерманъ создалъ твердое положеніе для Россіи въ системѣ европейской, Минихъ оживилъ высшія учрежденія, но привязанность къ пьяному Бирону омрачила жизнь и память Анны въ исторіи... Лекарь французъ и нѣсколько пьяныхъ гренадеръ возвели дочь Петрову на престолъ... Елизавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государствомъ. Несмотря на то, россіяне хвалили ея царствованіе: она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь, имѣла любовниковъ добродушныхъ, страсть къ веселью и нѣжнымъ стихамъ. Темная сторона: участіе въ безконечной войнѣ, корыстолюбіе Бестужева и Шувалова, тяжелыя для народа монополіи... Грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей... Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи...

*) Собственно, награжденіе духовныхъ орденами началось съ Павла I.

Главное дѣло ея—смягченіе самодержавія, безъ утраты своей силы... исчезли страхи Тайной канцеляріи, духъ рабства. Мы пріучались судить, хвалить въ дѣлахъ государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести—добродѣтель, превосходная въ монархѣ... Внѣшняя политика ея достойна особой похвалы... Умѣла выбирать людей, создала нужную зависимость (чрезъ знаки отличій) дворянства отъ короны. Отмѣчается, однако, и развращеніе нравовъ, примѣры двора любострастнаго, умноженіе питейныхъ домовъ, отсутствіе правосудія, роскошь. Въ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, чѣмъ основательности... Послѣдніе годы мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину. Павелъ восшелъ на престолъ въ то благопріятное время, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства... Но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго... началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти. Россіяне смотрѣли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней. Она пришла... и въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія... Послѣ разсужденія о значеніи заговоровъ, которые признаются бѣдствіемъ, колеблющимъ основу государства и опаснымъ примѣромъ для будущаго, К. переходитъ ко второй части своей «Записки». «Доселѣ говорилъ о царствіяхъ минувшихъ, теперь буду говорить о настоящемъ съ моею совѣстью и съ государемъ, по лучшему моему разумѣнію. Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра... Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что мнѣ кажется справедливымъ и что нѣкогда скажетъ исторія». К. отрицательно высказывается о конституціи въ Россіи: «кто будетъ блюсти неприкосновенность закона, поставляемаго выше монарха? выбираемые государи будутъ угодники выбираемой государствомъ аристократіи, и что дѣлать, если монархъ нарушитъ уставъ?.. Самодержавіе основало и воскресило Россію, съ перемѣной государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей, столь многихъ и разныхъ... Лучшій способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти — царствовать добродѣтельно и пріучить своихъ подданныхъ ко благу. Будущіе государи будутъ удержаны страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаяхъ противной системы царствованія». При разборѣ внѣшней политики Александра К. стоитъ за союзъ, а не войну съ Бонапартомъ: лучше было согласиться, чтобы Наполеонъ взялъ Силезію и самый Берлинъ, нежели признать Варшавское герцогство. К. подвергаетъ рѣзкой критикѣ учрежденіе министерствъ и косвенно задѣваетъ проектъ Сперанскаго. Власть министра неограничена и не разъяснена, а все вниманіе обращено на канцелярскія формы. Слишкомъ сложно министерство внутреннихъ дѣлъ. Напрасно униженъ мнимо при министрахъ правительствующій Сенатъ, только обнародовающій указы и законы, предлагаемые министрами. Значеніе его еще понизилось учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Далѣе К. переходитъ къ критикѣ отдѣльныхъ мѣръ. Манифестъ о милиціи: вооружить 600 тыс. человѣкъ, не имѣя оружія въ запасѣ, прокормить ихъ безъ средствъ, везти хлѣбъ за ними, или изготовить его въ тѣхъ мѣстахъ, куда имъ итти не надлежало.

Говоря о распространеніи образованія, К. по прежнему думаетъ, что основой должно быть усиленіе вообще низшаго образованія, а потомъ уже высшаго. При учрежденіи университетовъ мы образовали ихъ по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Надо было увеличить среднее образованіе. Критикуются: польза (давно уже отмѣненныхъ) экзаменовъ на высшіе чины, послѣдствія запрещенія продажи рекрутовъ, вредъ новыхъ налоговъ, ассигнаціи и металлизмъ, учрежденіе заемнаго банка, отсутствіе свода законовъ, отсутствіе отвѣтственности министра за избранныхъ имъ высшихъ чиновниковъ (худы капитанъ — исправники, виновны губернаторы, виновны министры и пр.); онъ опасался системы откупа—спаиванія народа и безсовѣстныхъ судей. Здѣсь же находится и самое слабое мѣсто «Записки»: К. былъ противникомъ освобожденія крестьянъ безъ земли и безъ надзора: землю онъ считалъ собственностью дворянъ, какъ служилаго сословія. До идеи выкупа земли государствомъ К. не додумался.

Портретъ Н. М. Карамзина съ лондонской гравюры неизвѣстнаго художника, приложенной къ изданію «Исторіи Государства Россійскаго» Эйнерлинга (1843—44 г.г.).

Таковы же мысли объ освобожденіи крестьянъ Ѳ. В. Ростопчина, Г. Р. Державина, И. В. Лопухина Н. С. Мордвинова и др. знакомыхъ К. Ему возражали въ этомъ пунктѣ, и весьма основательно, декабристы (Н. И. Тургеневъ). Впослѣдствіи К., видимо, колебался и писалъ своему шурину, князю В. А. Вяземскому, 30 октября 1818 г.: «Желаю знать, какимъ образомъ вы намѣрены черезъ или въ 10 лѣтъ сдѣлать вашихъ крестьянъ свободными; научите меня: я готовъ слѣдовать хорошему примѣру, если овцы будутъ цѣлы и волки сыты. Мысленно составляю комитетъ изъ особъ либеральныхъ и библейскихъ *)»... Вообще, въ своей «Запискѣ» К. думалъ поправлять дѣла не выборомъ формъ, а избраніемъ лучшихъ и исправленіемъ худшихъ блюстителей законовъ. Недаромъ же, подобно Карлейлю, К. высоко ставилъ значеніе личности въ исторіи.

1812 годъ заставилъ семью К-а уѣхать въ Ярославль и Нижній Нов-

*) Въ то время государю съ его соизволенія была подана записка отъ имени графа Воронцова, кн. Меньшикова и другихъ, а также и съ подписью самого князя Вяземскаго о позволеніи приступить теоретически и практически къ разсмотрѣнію вопроса объ освобожденіи крестьянъ. К. и узналъ отъ государя объ этой запискѣ.

городъ; самъ К. временно пріютился у гр. Ѳ. В. Ростопчина, а въ день оставленія Москвы и самъ отправился къ семьѣ. «Вся библіотека моя обратилась въ пепелъ, но «Исторія» цѣла»,—писалъ Карамзинъ Дмитріеву.

Но и въ Нижнемъ К. продолжалъ работать. «Думаю приняться за свое дѣло, — писалъ онъ кн. В. А. Вяземскому 14 ноября 1812 года: раскладываю бумаги и книги, однакожъ успѣхъ сомнителенъ: не имѣю и половины нужныхъ матеріаловъ»... Видъ сожженной Москвы, куда К. возвратился въ іюнѣ 1813 г., поразилъ К.: «я плакалъ, смотря на ея развалины»... «Исторія» К. была уже доведена до XVI в.

2 февраля 1816 года К. пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у М. Ѳ. Муравьевой, вдовы Мих. Ник. Пріѣхать К. пригласила и императрица Марія Ѳеодоровна, желавшая побудить К. перейти поскорѣе къ описанію «новѣйшаго времени, превосходящаго всѣ прошедшія чудесными происшествіями». Но недаромъ К. писалъ брату до отъѣзда: «Могу съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ. Говорятъ, что у насъ теперь одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми». Предчувствія оправдались. Шесть недѣль—«пятидесятницу», — какъ называлъ это время К., онъ ждалъ высочайшей аудіенціи... Карамзина ласково приняли: императрица Марія Ѳеодоровна, великія княжны, Румянцевъ, Державинъ, арзамасцы, даже Шишковъ. Но аудіенціи не давали. К. писалъ женѣ: «Я дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно и почти оскорбительнымъ образомъ». Въ концѣ концовъ Карамзину были переданы слова Аракчеева: «К. видно не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда и не забросилъ даже ко мнѣ карточки». Скрѣпя сердце, надѣвъ мундиръ, К. отвезъ карточку къ графу, и на третій день (13 марта) былъ приглашенъ къ Аракчееву, которому К. разсказалъ свои обстоятельства, и на вызовъ графа замолвить слово государю, сказалъ: «не прошу, ваше сіятельство, но если вамъ угодно и если будетъ кстати» и пр. Въ 1816 году К. писалъ Новикову: «О характерѣ Аракчеева не имѣю яснаго понятія: я видѣлся съ нимъ и говорилъ только однажды, разсказывая ему о своей жизни въ молодости, и упомянулъ о связи моей съ вами по масонству». 15 марта К. увидѣлъ государя. Онъ принялъ исторіографа ласково, обнялъ, провелъ въ разговорѣ часъ сорокъ минутъ и принялъ его условія: 60 тысячъ на печатаніе и чинъ, принадлежащій по закону. К. вернулся въ Москву, но въ концѣ мая 1816 года оставилъ Москву и уже навсегда. Карамзину пришлось лѣтомъ жить въ придворномъ домикѣ въ Павловскѣ, а на зиму онъ переселился въ Петербургъ, на Захарьевскую. Въ сентябрѣ началось печатаніе «Исторіи» въ Военной типографіи, а частью и въ Медицинской, гдѣ потребовали было разрѣшенія цензуры, но государь разрѣшилъ печатать безъ цензуры, благодаря, впрочемъ, особой запискѣ Карамзина.

Тяжело жилось К-у. 12 августа 1816 года онъ писалъ Малиновскому: «Мнѣ тяжело и грустно, чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни». Тоже 31 декабря ему же: «Не ищу никакихъ связей, даже кажусь неучтивцемъ. Но, воля ихъ, не могу соблюдать всѣхъ пристойностей свѣтскихъ». И отъ 6 іюля 1817 г.: «Живу особнякомъ съ женою, дѣтьми и типографіями; не есмь отъ міра сего, хотя и смѣюсь надъ святошами новыми («модное тогда» — библейское общество): смѣюсь про себя, разумѣется».

Корректура доводила К. до обмороковъ и притупляла его зрѣніе. 28 января 1818 г. К. поднесъ 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» государю. Разсказъ въ нихъ былъ доведенъ до 1560 года царствованія Іоанна Грознаго.

Посвящая свой трудъ императору Александру I, К. писалъ: «Съ благоговѣніемъ представляю Вашему Импе-

раторскому Величеству плодъ усердныхъ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный Вами, могъ ли я не имѣть ихъ! Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей читалъ я Вамъ, Государь, нѣкоторыя главы сей исторіи—объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя Димитрія Донского... Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ, сравнивали давно минувшее съ настоящимъ... Туча грянула надъ Россіей, но мы спасены, прославлены, врагъ истребленъ, Европа свободна... если счастье Вашего добродѣтельнаго сердца равно Вашей славѣ, то Вы счастливѣе всѣхъ земнородныхъ... Пріимите милостиво книгу... Исторія народа принадлежитъ Царю».

Въ предисловіи, подписанномъ 7 декабря 1815 года, К. писалъ: «Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ и лучшее время моей жизни на сочиненія сихъ томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долго ременной... если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, т. е. сдѣлать Россійскую исторію извѣстнѣе... Поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія, еще болѣе славы; желаемъ... да цвѣтетъ Россія, по крайней мѣрѣ, долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой»!

Цѣна книги была назначена 55 р. ассигнаціями (около 16 р. 50 к. сер.) за 8 томовъ. Первые 8 томовъ захватывали время до 1560 г. Слѣдующіе: IX-й—1560—1584, конецъ царствованія Грознаго вышелъ въ 1826. X—1584—1598 (царствованіе Ѳеодора Ивановича) и XI-й—1598—1606 (Борисъ Годуновъ и Лжедимитрій) вышли въ 1823—24 году. XII-й—1606—1612 (междуцарствіе) былъ редактированъ Д. Н. Блудовымъ и вышелъ послѣ смерти К. въ 1829 г. *).

Пушкинъ писалъ въ 1825—26 гг.: «Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ постели съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ еще неизвѣстную... Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Въ журналахъ его не критиковали». Лестные отзывы объ «Исторіи» Карамзина дали тогда же ученые спеціалисты, академикъ Кругъ и профессоръ Геренъ. «Исторію» Карамзина стали немедленно переводить на языки французскій, нѣмецкій, итальянскій, греческій. Толстой-Американецъ, прочтя «Исторію», заявилъ: «теперь узнаю, что у меня есть отечество».

Но на ряду съ похвалами слышались и другіе отзывы. Мы не будемъ останавливаться на критическихъ мелкихъ ученыхъ замѣчаніяхъ З. Ходановскаго, на выходкахъ М. Т. Каченовскаго (нападенія Полевого и

*) Вотъ библіографія изданій Карамзина «Исторіи Государства Россійскаго».

Изд. I. 8 ч. Спб. 1816—1818 (до 1560 г. съ картою и родословною таблицей), потомъ еще 3 тома 1821—1829 in 8° gr. Изд. II. Спб. 1818 — 1829 in 8° съ портретомъ. Изданіе Сленина. Изд. III. 12 ч. Спб. 1830 — 31 in f., съ портретомъ. Изданіе Смирдина. Изд. IV. 12 ч. Спб. 1833 in 8°, тоже Смирдина. Изд. V. 4 ч. Спб. 1842—1843 gr. in 8°, съ портретомъ. Редакція Эйнерлинга (лучшее изданіе). Изд. VI. 12 ч. Спб. 1851—53 in 12°. Изданіе Смирдина. Изданіе VII (1892) Сѣвера (Мерца). Изд. VIII. Изданіе Дешевой Библіотеки Суворина (стереотипъ).

защита Брамбеуса были позднѣе), но приведемъ любопытное мнѣніе кн. П. А. Вяземскаго. «Исторія Государства Россійскаго» встрѣтила противниковъ. Часть молодежи нашей замышляла въ то время несбыточное преобразованіе Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ она тотчасъ оцѣнила важность книги, которая была событіе, и событіе совершенно противодѣйствующее замысламъ ея».

К.—историографъ, слѣдовательно, по словамъ ихъ, наемникъ власти, онъ монархическій мечтатель; слѣдовательно, запоздалый, не постигающій духа и потребностей времени. Всѣ сіи обвиненія въ смыслѣ судей были основательны и раціональны. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистымъ убѣжденіемъ совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію... Самое 14 декабря не было ли, такъ сказать, критикою вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, т. е. «Исторіей Государства Россійскаго».

Пушкинъ, когда-то самъ нападавшій эпиграммой о прелестяхъ кнута на «Исторію» К., теперь писалъ: «У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе К., *) зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Государь освободилъ его отъ цензуры, и симъ знакомъ довѣренности нѣкоторымъ образомъ налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. К—ъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка? «Исторія Государства Россійскаго» есть не только созданіе великаго пистателя, но и подвигъ честнаго человѣка».

П. А. Вяземскій писалъ тогда:

Покорный истинѣ и сердца чистой клятвѣ,
Ты мудрость воскрешалъ на плодоносной жатвѣ
Событій, опытовъ, столѣтій и племенъ
И современникомъ минувшихъ былъ временъ.
Сроднившись съ предками, ихъ слышалъ ты, ихъ видѣлъ,
Дружился съ добрыми, порочныхъ ненавидѣлъ,
И совѣсти одной поработивъ языкъ,
Ты смѣло поучалъ народы и владыкъ.

Впослѣдствіи онъ же писалъ (1866):

Намъ предковъ воскресилъ онъ лица,
Ихъ образъ въ насъ запечатлѣлъ
И каждая его страница—
Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
Своей живительной рукою
Событій нить связалъ онъ вновь,
Сроднилъ насъ съ русскою семьею
И пробудилъ онъ къ ней любовь...
Здѣсь зодчій самъ за камнемъ камень
Въ свой исполинскій трудъ вносилъ.
Воздвигъ онъ храмъ сей величавый,
Прекрасный стройностью частей,
Сей памятникъ и русской славы,
И славы собственной своей.

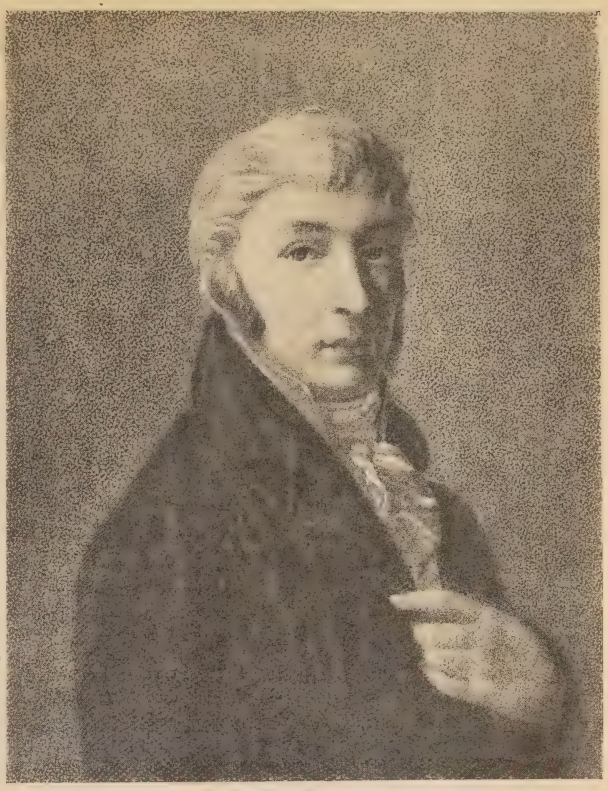
Пропускаемъ отзывы Пушкина о Карамзинѣ по поводу «Бориса Годунова», посвящаемаго памяти историографа.

А вотъ отзывъ, хотя и болѣе поздній, поэта пушкинской эпохи, земляка Карамзина, примкнувшаго къ такъ называемымъ славянофиламъ:

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ, ихъ столбъ каменносѣчный
И тверже, чѣмъ литой металлъ.
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ,
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ,
Покуда намъ языкъ, могучій и прекрасный,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно
И есть отечество у насъ.

(Н. М. Языковъ, 1845 г.).

*) Пушкинъ, видимо, писалъ раньше появленія критики на «Исторію» Лелевеля.



Портретъ Н. М. Карамзина, писанъ въ Москвѣ Дамономъ въ 1805 г.

Думается, что теперь, когда мы можемъ читать полный текстъ «Записки о древней и новой Россіи» Карамзина, когда обнародована масса біографическаго матеріала, когда, наконецъ, мы отошли на достаточную историческую перспективу, намъ не зачѣмъ доказывать значеніе и «Исторіи» Карамзина для своего времени, и чистоту его побужденій, и искренность его общихъ воззрѣній. Но чтобы оцѣнить К. какъ ученаго, надо взглянуть, что было сдѣлано по русской исторіи до К. Прежде всего въ настоящее время приходится подчеркнуть, что наши лѣтописи, особенно со временъ возвышенія Москвы, не являются простымъ пересказомъ событій минувшаго. Уже въ первый періодъ, помимо религіозной, а иногда и церковно-монашеской точки зрѣнія, можно отмѣтить симпатіи и антипатіи русскихъ лѣтописцевъ, ихъ областныя точки зрѣнія, умалчиванія о нѣкоторыхъ событіяхъ, а иногда и освѣщеніе съ предвзятой точки зрѣнія. Безстрастіе разсказа вообще трудно выполнимая вещь, и извѣстно, что и вполнѣ добросовѣстныя свидѣтельскія показанія очевидцевъ нуждаются въ перекрестной провѣркѣ. Новые изслѣдователи указываютъ на извѣстную предвзятость при составленіи не только отдѣльныхъ сказаній, но и цѣлыхъ лѣтописныхъ послѣмонгольскихъ сводовъ, составлявшихся при дворѣ духовныхъ владыкъ нашихъ, особенно же при дворѣ митрополитовъ московскихъ. Крайнее выраженіе этого направленія можно видѣть въ Степенной книгѣ, представляющей апоѳеозъ династіи Рюриковичей, написанной во времена Грознаго. Провиденціальная точка зрѣнія вытекала изъ условій тогдашняго религіознаго созпанія, когда и на самый пересказъ о быломъ смотрѣли, какъ на средство поученія грядущимъ поколѣніямъ. Эта точка зрѣнія была общей для историковъ всего цивилизованнаго міра въ средніе вѣка.

Наряду съ этимъ выдвигалась и областная точка зрѣнія, обусловливаемая сначала мѣстнымъ, а потомъ и болѣе широкимъ патріотизмомъ. Яркій образчикъ послѣдняго—кіевскій Синопсисъ, напечатанный въ 1680 г. Эта точка зрѣнія у насъ въ Россіи удержалась у Татищева, и особенно у Ломоносова. Исторію В. Н. Татищева (1686—1750) характеризуютъ какъ сводную лѣтопись (до смерти) Ѳеодора Іоанновича, объясненную примѣчаніями по сближенію съ обычаями XVIII вѣка. Критическаго отношенія къ источникамъ у Т. не было; его исторія является какъ бы «новымъ лѣтописнымъ Татищевскимъ» сводомъ съ поправками, дополненіями и догадками очень часто произвольными:

поправки собственныхъ именъ, переводъ, напр., ихъ на современный языкъ, вмѣсто агаряне — сарацины, приблизительное обозначеніе времени рожденія князей и пр. Онъ, какъ и Ломоносовъ, цѣнитъ въ исторіи то, что «даютъ государямъ примѣры правленія, подданнымъ повиновенія, воинамъ мужества, судіямъ—правосудія, младымъ—старыхъ разумъ». Ломоносовъ добавляетъ, что «исторія соблюдаетъ похвальныхъ дѣлъ достойную славу». Далѣе идетъ исторія князя М. М. Щербатова (1733—1790) и сочиненія его противника И. Н. Болтина (1735—1790). Сочиненіе кн. М. М. Щербатова «Исторія Россіи» (5 т., Спб. 1770 – 92) доведено до временъ Михаила Ѳеодоровича. Высокообразованный авторъ пользовался рукописными актами и лѣтописями, владѣлъ самъ громадной библіотекой (въ 50 тысячъ томовъ), но трудъ его, особенно хаотическій въ началѣ, теряетъ многое и въ достовѣрномъ періодѣ русской исторіи, благодаря необыкновенно тяжелому слогу. Онъ работалъ много, вдумывался въ факты, но не умѣлъ хорошо организовать имѣвшіяся у него знанія, увлекался мелочами, и хотя его исторія, благодаря использованнымъ актамъ, уже не простой сводъ, какъ у Татищева, но она не продумана и не имѣетъ никакой общей системы.

По Щербатову написалъ свою компилятивную русскую исторію французъ Левекъ, а разбавивъ ее русскими историческими изданіями за время 1769—1774 г., написалъ на французскомъ же языкѣ свою исторію Леклеркъ, нѣкоторое время профессоръ нашего шляхетскаго корпуса и врачъ гетмана К. Разумовскаго,—впрочемъ, очень плохо знавшій русскій языкъ. Это высокомѣрное сочиненіе, напечатанное въ Парижѣ въ 1774 г., вызвало Болтина на обширныя примѣчанія на исторію Леклерка. Здѣсь онъ указалъ промахи и Щербатова по исторической географіи и этнографіи, непониманіе языка лѣтописей, но цѣльнаго труда по русской исторіи Болтинъ не далъ. Болѣе строгія въ научномъ отношеніи въ смыслѣ пріемовъ работы въ свое время были даны академиками Байеромъ (1694—1738 г.), Миллеромъ (1705—1783 г.) и Шлецеромъ (1735—1809 г.). Байеръ не зналъ по-русски, основывался преимущественно на византійскихъ историкахъ и писалъ по частнымъ вопросамъ о скиѳахъ и варягахъ. Миллеру мы обязаны собраніемъ богатѣйшихъ матеріаловъ (портфели Миллера и до сихъ поръ цѣнны), изданіемъ историка Татищева, Судебника Іоанна, писемъ Петра и разработкой нѣкоторыхъ частныхъ вопросы русской исторіи (о погромѣ Новгорода, о русскомъ дворянствѣ и пр). Любопытенъ взглядъ Миллера на историка: «обязанности историка трудно выполнить. Онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя... «И такого историка Миллеръ нашелъ въ спеціально имъ вызванномъ въ Россію въ 1761 г. Шлецерѣ, извѣстномъ ученомъ, но человѣкѣ самолюбивомъ и достаточно нахальномъ, разсорившемся впослѣдствіи и съ Миллеромъ. Недаромъ же Ломоносовъ написалъ (1762 г.) о немъ: «Какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная къ нимъ скотина». Извѣстно, какъ въ своей грамматикѣ Ш. доказывалъ, что слово бояринъ происходитъ отъ баранъ, дѣва отъ нижне-саксонскаго Tiffe (сука) и т. д. Но надо сознаться, что Ш., уѣхавши изъ Россіи въ 1767 г., не бросилъ русской исторіи и, живя въ Геттингенѣ, занялся возстановленіемъ текста «первоначальной лѣтописи» Нестора, которую и издалъ въ 1802 г., вызвавъ и работу Стриттера. Основная точка зрѣнія Шлецера спеціально нѣмецкая: «Дикіе, грубые разсѣянные славяне начали дѣлаться общественными людьми только благодаря посредству германцевъ, которымъ назначено судьбой разсѣять въ сѣверо-западномъ и сѣверо - восточномъ мірахъ сѣмена цивилизаціи». Кромѣ всѣхъ этихъ трудовъ, въ распоряженіи Ка-

рамзина были изданныя (и довольно скверно) нѣкоторыя русскія лѣтописи (Радзивиловскій списокъ и Никоновская), Судебникъ, Уложеніе, Древняя россійская вивліоѳика (2-е изд.—20 т. 1788—1791 г.) и ея продолженіе (11 частей), изданная Н. И. Новиковымъ и заключающая въ себѣ акты и памятники и доселѣ не переизданные.

Культъ героическихъ личностей у Плутарха, круговоротъ исторій Вико, гуманность правовыхъ воззрѣній Беккарія, безпартійность и изящество Робертсона, религіозная терпимость и трезвость Гиббона, правила патріота Мабли о приданіи исторіи пріятности, развитіе идеи человѣчности Гердера, драматизмъ историческаго разсказа и разъясненія «обычнаго» какъ наслѣдія отъ предковъ у Юма, воззрѣнія Монтескье, какъ юридическія, такъ и на значеніе въ исторіи традицій и вліянія мѣстности и климата—все это должно было отразиться и отразилось въ историческомъ трудѣ Карамзина.

Портретъ Н. М. Карамзина, писанъ Венеціановымъ съ Варнека (1816), нах. въ Академіи наукъ (здѣсь съ литографіи Брезе 1866 г.) (1820?).

Карамзинъ воспользовался всѣмъ до него собраннымъ матеріаломъ. Въ первомъ томѣ въ первыхъ главахъ онъ опирался на Шлецера и Стриттера, въ послѣдующихъ на Щербатова и Болтина, но прибавилъ къ нимъ громадный, новый, свѣжій и провѣренный матеріалъ и создалъ изъ него систематическій, органически связанный одной идеей художественный трудъ. Онъ первый привлекъ, а частью и открылъ рядъ памятниковъ: Галицкую и Троицкую лѣтописи, уставъ Владиміра Святаго, древнѣйшій списокъ Русской Правды, Кормчую XIII в., житія св. Владиміра, Константина Муромскаго, грамоты галицкихъ князей, Смоленска (1230 г.), двинскія, новгородскую судную, памятники дипломатическихъ сношеній, Судебникъ Іоанна III, посланіе въ Кирилловъ монастырь Грознаго, Стоглавъ, хронографы польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка и Длугоша, Дуиснебурга, путешествія и записки Рубруквиса, Барбаро, Герберштейна, Контарини, Павла Іовія, Одерборна, Гейденштейна, Маржерета и пр. Проф. Иконниковъ говоритъ, что Карамзину было извѣстно до 350 авторовъ.

Историческіе взгляды К. были подготовлены чтеніемъ вышеупомянутыхъ историковъ и политическихъ писателей. Самъ Карамзинъ въ предисловіи опредѣлилъ свои пріемы, какъ историка: «не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выра-

женій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ имѣющихся хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ, ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другого. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался необходимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ... Множество сдѣланныхъ мной примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого... Жертва, приносимая достовѣрности... необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ... Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе»... И дѣйствительно, чѣмъ дальше отъ временъ удѣловъ, тѣмъ изложеніе Карамзина дѣлается самостоятельнѣе и оригинальнѣе. Особенно онъ останавливается на исторіи возвышенія Москвы. Неудивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами, холоднымъ и жаркимъ климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвой. Этотъ вопросъ о великой колонизаціонной роли сѣверо-восточной Россіи, объ ея внутреннемъ укладѣ, о времени и условіяхъ, когда и какъ появились эти процессы, представляетъ и въ настоящее время задачу, надъ которой трудились и трудятся новѣйшіе русскіе историки, какъ, напр., Ключевскій и вся его школа. Карамзинъ не могъ на него отвѣтить за отсутствіемъ соотвѣтствующей разработки отдѣльными изслѣдованіями—монографіями.

Проф. Н. А. Ѳирсовъ (1866) отмѣчаетъ у Карамзина правильное пониманіе дѣятельности Бориса Годунова въ Сибири, и дѣятельности монастырей и казаковъ. Вопреки Щербатову, К. указалъ на важное значеніе Новгорода въ колонизаціи крайнаго сѣверо-востока Европейской Россіи. Преклоненіе предъ крѣпостью центральной власти не помѣшало ему, вопреки своему предшественнику Болтину, нарисовать потрясающую картину внутренняго состоянія русскихъ подъ вліяніемъ татарскаго ига.

«Не только послы ордынскіе и баскаки, но и самые купцы, самые бродяги монгольскіе обходились съ нами, какъ съ слугами презрительными. Что же долженствовало быть слѣдствіемъ? Нравственное униженіе, забвеніе гордости народной, низкія хитрости рабства, привычки къ обману, наглость... Отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство; сила казалась правомъ; кто могъ грабить, грабилъ; не было безопасности ни въ жизни, ни дома. Все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснялось, исчезало. Наконецъ, татарскому игу мы обязаны введеніемъ казней и пытокъ, ослабленіемъ храбрости и затворничествомъ женщинъ въ терема».

С. М. Шпилевскій, разбирая подробно юридическую сторону «Исторіи» Карамзина (1867), указываетъ на вліяніе ея на труды по исторіи русскаго права Эверса, Рейца, Андреевскаго, Троцины, Валуева, Лешкова, Ланге, Пахмана, Дмитріева, Энгельмана. Для многихъ трудъ К. былъ очень важнымъ, а для нѣкоторыхъ главнымъ источникомъ.

Какъ ученый синтезъ, «Исторія» К. теперь, конечно, устарѣла, но не надо забывать, что и въ настоящее время вообще врядъ ли возможенъ исчерпывающій синтезъ русской исторіи, хотя превосходныя монографіи открываютъ и новые матеріалы, и новые горизонты въ изученіи хода русской исторіи. Съ этой точки зрѣ-

Портретъ Н. М. Карамзина съ гравюры А. Флерова (1827 г.).

нія русская исторія пока вполнѣ правильно ограничивается «курсами»— таковы курсы Ключевскаго, Платонова, Багалѣя... Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ П. Н. Милюкова, что трудъ К. будто бы и въ свое время уже являлся отсталымъ завершеніемъ старыхъ историческихъ направленій XVIII вѣка. Вмѣсто отвѣта, мы приведемъ мнѣнія русскихъ историковъ, говорившихъ о Карамзинѣ.

Вотъ оцѣнка «Исторіи» К. крупнѣйшимъ нашимъ историкомъ С. М. Соловьевымъ (1867 г.). «Мысль русскаго человѣка, мысль славянина должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, народъ русскій одинъ образовалъ государство, не утратившее своей самостоятельности, какъ другія, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на историческія судьбы міра. Это сознаніе вполнѣ отразилось въ «Исторіи Государства Россійскаго», которую можно назвать величественной поэмой, воспѣвающей государство».

Этотъ приговоръ довольно близокъ, по моему мнѣнію, въ объективной оцѣнкѣ общаго значенія труда Карамзина въ системѣ русской исторіографіи въ наше время».

Опускаемъ отзывъ Н. Г. Устрялова (1867).

Вотъ сущность оцѣнки Погодина *) (1866): «Всякое историческое произведеніе само по себѣ можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: критики, искусства и науки... К. принужденъ былъ по необходимости взять на себя всѣ эти три обязанности». По указанію Строева, у К. упомянуты почти полмильона предметовъ, а это только исчисленія предметовъ, описанныхъ Карамзинымъ. Съ художественной стороны весь русскій языкъ, весь запасъ будущихъ словарей, разсѣянный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и послушныя слова и обороты стекались изъ лѣтописей, грамотъ, прологовъ, миней, житій, сказаній и совокуплялись въ какую-то волшебную гармонію. Далѣе указана художественность изложенія, такъ что лица и событія воспроизводятся въ нашемъ воображеніи (и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе), и стройность огромнаго зданія исторіи. Не надо забывать, что во время К. простота была бы странной, какъ нынѣ искусственность и щегольство... Тогда нельзя было явиться къ публикѣ безъ украшенія. К., повѣствуя, не думалъ ни объ какой системѣ; онъ полагалъ, что система должна исходить естественно изъ повѣствованія. Онъ хотѣлъ только истины, которая, сама собою, уже будетъ учить, а всякое преднамѣренное направленіе исторіи вредитъ ей. Наука, если не вполнѣ удовлетворяется его «Исторіей» въ настоящемъ видѣ, то, по крайней мѣрѣ, имѣетъ въ ней данныя, на коихъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, кои должны войти въ составъ системы».

Вотъ отзывъ К. Н. Бестужева-Рюмина (1872). «Громадный талантъ художественнаго изложенія прежде всего поражаетъ читателя; и до сихъ поръ еще мы увлекаемся картинами, представленными К.; талантъ помогъ ему не спутаться въ огромномъ количествѣ лицъ и происшествій. Высокое нравственное чувство дѣлаетъ до сихъ поръ эту книгу наиболѣе удобною для воспитанія любви къ Россіи и добру. Но за этими достоинствами стоятъ еще другія... Художникъ соединился съ ученымъ; въ громадныхъ примѣчаніяхъ К. остался памятникъ его обширной начитанности, его образцовой критической внимательности: онъ останавливался надъ каждымъ памятникомъ, надъ каждымъ вопросомъ. Для человѣка, начинающаго заниматься исторіей, нельзя указать лучшаго руководства, какъ знакомство съ примѣчаніями К.».

Профессоръ В. С. Иконниковъ въ своей основательной рѣчи о Карамзинѣ 1911 г. говоритъ: «Широкія очертанія труда К., его аналогіи, постоянныя привлеченія разнообразнаго матеріала и поучительныя примѣчанія дали право... одному западному историку такъ характеризовать Карамзина (1866 г.): «Популярность пріобрѣтена имъ не насчетъ учености въ изслѣдованіяхъ. Радуюсь тому, что въ народномъ русскомъ писателѣ я нашелъ человѣка... который писалъ не только для своего народа, но и вообще для цѣлаго міра». Закончимъ эти отзывы словами И. Е. Забѣлина: «Единственнымъ источникомъ художественныхъ историческихъ созерцаній остается и до сихъ поръ (1873 г.) все тотъ же Карамзинъ, который имѣлъ достойную памяти привычку обставлять свои общія описанія и

*) Когда-то въ юности Погодинъ самъ нападалъ на Карамзина, но уже въ 1857 г. онъ писалъ князю В. А. Вяземскому: «Въ газетахъ, имѣющихъ 15 т. читателей, пишутъ съ сожалѣніемъ: «вѣдь у насъ еще много людей, которые пробавляются исторіей Карамзина, а наука ушла впередъ». Сукины вы дѣти! Да если бы вы пробавлялись исторіей Карамзина, такъ не были бы такими невѣжами, скотами и подлецами, какими вы есте... Нападки на К., конечно, вызывались въ тѣ времена въ виду и по адресу причинъ, которыхъ принято называть «независящими».

Памятникъ Н. М. Карамзину, по проекту Гальберга и его учениковъ (Иванова, Ставассера, Ромоданова и Кминчерскаго), въ г. Симбирскѣ, воздвигнутый въ 1845 г. (съ гравюры К. А. Аѳанасьева). Наверху Кліо—муза исторіи, подъ бюстомъ историка надпись—«Н. М. Карамзинъ». Надписи подъ барельефами см. ниже.

изображенія частными примѣчаніями, гдѣ всегда можно встрѣтить живыя черты времени и мѣстъ».

И дѣйствительно, всѣ позднѣйшія исторіи Россіи, будучи болѣе основательными, болѣе учеными, болѣе широкими по своимъ задачамъ, никогда такъ не увлекали обычную массу читающей публики, какъ въ свое время увлекала «Исторія» К.

Возвращаясь къ жизни К. за время отъ 1818 г. до его смерти въ 1826 г., мы не будемъ останавливаться на его отношеніяхъ къ образовавшемуся тогда (съ 1815 г.) подъ эгидой В. А. Жуковскаго литературному обществу «Арзамасъ», ведшему неустанную литературно-шутовскую борьбу съ «Бесѣдой любителей (или, какъ ихъ называли, губителей) русскаго слова», учрежденной Шишковымъ (1811 г.).

Изъ членовъ Арзамаса, пользовавшихся особымъ покровительствомъ К., надо помнить Пушкина, котораго онъ спасъ отъ Соловковъ. Особенно близки были Карамзину А. И. Тургеневъ, Жуковскій, Вяземскій, Блудовъ, Батюшковъ, Полетика. Назначеніе Жуковскаго воспитателемъ будущаго императора Александра II-го (1817 г.), причемъ была отвергнута кандидатура А. С. Шишкова, состоялось благодаря Карамзину.

Въ 1818 г. К. выбранъ былъ членомъ Россійской Академіи и имѣлъ непріятности и по поводу «Записки о древней и новой Россіи», напечатанной въ искаженіи В. Н. Каразинымъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ».

Печатаніе второго изд., «Исторіи», проданнаго за 50.000 р. асс., и подготовка слѣдующихъ томовъ*) удержи-

*) Вотъ неизданная мелочь, свидѣтельствующая о работахъ К. надъ русской исторіей. Въ Лейпцигской библіотекѣ сохраняется автографъ Карамзина слѣдующаго содержанія (публикуемъ его впервые): «1823 года декабря 29-го я нижеподписавшійся взялъ отъ Его Превосходительства Господина Директора Императорской публичной библіотеки книгу: «О русскомъ народномъ пѣніи» безъ заглавнаго листа, извѣстную подъ именемъ «Пѣсенника Прача», съ тѣмъ чтобы по первомъ востребованіи возвратить оную въ цѣлости».

вали К. съ семьей въ Петербургѣ. Государь лѣтомъ часто, почти ежедневно бесѣдовалъ съ Карамзинымъ. К. ничего не искалъ для себя. «Александръ сказалъ мнѣ, пишетъ К. женѣ, я васъ потому люблю, что вы у меня ничего не просите. Каково было мое положеніе: у меня, какъ нарочно, была въ эту минуту въ карманѣ просьба NN (Мещевскаго?)». Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ это время отношенія Карамзина къ польскому вопросу, показывающія въ немъ и государственный умъ, и близость къ императору. Кажется, историческія судьбы Польши и современная Карамзину игра съ конституціями во Франціи заставляли К. скептически смотрѣть на возможность русской конституціи вообще.

21 августа 1818 г. К. писалъ П. А. Вяземскому, въ то время бывшему въ Варшавѣ и увлекавшемуся конституціонализмомъ:

«Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея... Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольности, но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность... Потомство увидитъ, что лучше, или что было лучше для Россіи. Для меня старика пріятнѣе итти въ комедію, нежели въ залу національнаго собранія или въ камеру депутатовъ, хотя я въ душѣ республиканецъ, и такимъ умру».

11 октября 1818 г. — Дмитріеву: «Мнѣ гадки лакеи и низкіе честолюбцы и низкіе корыстолюбцы. Дворъ не возвыситъ меня. Люблю только государя. Къ нему не лѣзу и не полѣзу. Не требую ни конституціи, ни представителей, но по чувствамъ останусь республиканцемъ и притомъ вѣрнымъ подданнымъ царя русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое».

Пушкинъ оставилъ любопытную замѣтку на эту тему: «Однажды началъ (Карамзинъ) при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» К. вспыхнулъ и назвалъ меня клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили».

Вообще К. не сближался ни съ «библистами», несмотря на знакомство съ княземъ А. Н. Голицынымъ, ни съ партіей Аракчеева, Фотія и Магницкаго. «Текстами не помышляю, иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на него смотрятъ... Суетность во мнѣ есть, къ сожалѣнію, но я искренно презираю ее въ себѣ ...въ искреннія минуты чувствую свою ничтожность».

Въ октябрѣ 1819 г. Александръ сообщилъ Карамзину, что хочетъ возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ. Карамзинъ въ отвѣтъ написалъ 17 октября свою записку «Мнѣніе русскаго гражданина». Впослѣдствіи въ ноябрѣ 1824 г. Александръ сказалъ Карамзину, что болѣе счастливыя обстоятельства, чѣмъ его слезныя убѣжденія способствовали Россіи удержать свои польскія области.

«Какъ христіанинъ, вы должны любить, говорилъ К., своихъ личныхъ враговъ, но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго... Галиція принадлежитъ Австріи, отдастъ ли она ее добровольно? можете ли вы съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины. Скажутъ, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Бѣлоруссія, Волынія, Подолія вмѣстѣ съ Галиціей были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи»... «Отвѣтствую Вамъ головой за неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю; остыли бы душой къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола... Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ: вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы. А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу... пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское какъ оно есть нынѣ, но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія какъ она есть»... Къ этой запискѣ «для потомства» Карамзинъ приписалъ 29 декабря 1819 г.: «Читано государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, онъ пробылъ вмѣстѣ съ глазу на глазъ пять часовъ, отъ восьми до часу за полночь... Душою мы разстались кажется навѣки. Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?.. Между прочимъ, я сказалъ государю по-французски: «Государь, вы очень самолюбивы... но я ничего не боюсь. Мы всѣ равны предъ Богомъ. То, что я сказалъ вамъ, я сказалъ бы и вашему отцу... Государь, я презираю нынѣшнихъ (du jour) либераловъ: я люблю ту свободу, которую никакой тиранъ у меня не отыметъ... Я не прошу больше вашего благорасположенія, я говорю вамъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Довольно сказаннаго для потомства и сыновей моихъ»... Къ этому прибавлено 18 декабря 1825 г.: «Я ошибся, благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (1819—1825 г.), мы имѣли съ нимъ нѣ-

сколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ... (Онъ) не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ большею частью и не слѣдовалъ... Милость и довѣренность его (ко мнѣ) остались безплодны для любезнаго отечества. Я не безмолствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затменія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные».

Историку Россійскаго Государства повелѣніемъ Императора Николая I. На барельефѣ Карамзинъ читаетъ свою «Исторію» императору Александру I.

Въ мартѣ 1821 года К. писалъ: «Текста (Исторіи — IX тома) отпечатано 21 листъ, примѣчаній болѣ половины... Здѣсь кто-то разгласилъ, что онъ уже запрещенъ. Блудовъ предпочитаетъ его всѣмъ осьми томамъ. Это петербургская работа... Хотѣлось бы дойти до Романовыхъ и тогда проститься съ исторіею... Никого не вижу, кромѣ графа Каподистріи, Сѣверина etc. Чѣмъ болѣе приближаюсь къ концу жизни, тѣмъ болѣе она мнѣ кажется сновидѣніемъ». Въ 1822 г. (февраль) по поводу разгрома Спб. университета К. замѣчаетъ: «Говорятъ, что дѣло кончилось отрѣшеніемъ (профессоровъ), но безъ дальнѣйшей казни. Думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось якобинство и атеизмъ, то-есть классъ исторіи и статистики, но люди благоразумные не согласились съ ними. «Исторіи» еще не измѣняю, сижу часовъ по пяти, хотя иногда безплодно или почти безплодно»... Не нравилась ему привязка цензуры къ стихамъ А. С. Пушкина и Жуковскаго. Говоря о А. С. Пушкинѣ, о которомъ онъ и лично хлопоталъ, К. заключаетъ — «талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія». Въ сентябрѣ сгорѣла глазная деревня К., и онъ лишился тогда «знатной части своего умѣреннаго дохода». Въ концѣ 1823 г. К. поселился на Моховой, печаталъ новые томы «Исторіи» въ типографіи и записалъ: «лучше писать исторію, нежели печатать ее въ русской типографіи». 7 апрѣля 1824 г. (на Пасху) К. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, причемъ государь написалъ ему, что чинъ данъ историографу, а не Карамзину, который «ходитъ сентябремъ», добавляетъ Карамзинъ. Объясняется это и нездоровьемъ, и худой продажей «Исторіи», и худымъ платежомъ оброка, и неповиновеніемъ орловскихъ крестьянъ. Любопытно замѣчаніе о цензурѣ (4 сентября 1825 г.): «Новый министръ просвѣщенія (кн. А. Н. Голицынъ) думаетъ учредить новую и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь... То-то раздолье! Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ». Критическое отношеніе К. къ министерству просвѣщенія вызвало въ Магницкомъ намѣреніе напасть на К. подъ предлогомъ защиты Грознаго...

Въ іюлѣ 1825 г. К. ѣздилъ по желанію императора, слышавшаго скорбныя рѣчи К. о военныхъ поселеніяхъ, посмотрѣть ихъ. Аракчеевъ «угостилъ К. съ ласкою необыкновенною и самъ все ему показывалъ», но К. сохранилъ о военныхъ поселеніяхъ крайне отрицательное мнѣніе. Послѣ поѣздки К. опять расхворался. Критически смотрѣлъ К. на правительство (сентябрь 1825 г.): «дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ немного: министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ (Канкринъ) и морского (де-Траверсе). Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще меньше». Здоровье К. все слабѣло и слабѣло, раздражались и нервы. По его собственному признанію, смерть Александра I-го глубоко поразила уже слабаго въ то время здоровьемъ Карамзина. Онъ писалъ: «Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха, и все любилъ какъ человѣка... Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели». И въ письмѣ къ шурину кн. П. А. Вяземскому: «Чего мы, Карамзины, лишились въ Александрѣ, того уже никто не можетъ возвратить. Не было во мнѣ ослѣпленія, но было много любви». И далѣе К. говоритъ, что онъ не будетъ хвалить усопшаго, ибо его и безъ того тошнитъ отъ русскихъ похвалъ... и что онъ радъ будетъ встрѣтиться съ усопшимъ государемъ за гробомъ, такъ какъ «мы многаго съ нимъ не договорили»... 14 декабря 1825 г. К. «былъ во дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова и камней пятьшесть упали къ моимъ ногамъ... Я мирный историографъ, писалъ онъ Дмитріеву, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ... Ни крестъ, ни митрополитъ не подѣйствовали... Въ полночь я съ тремя сыновьями ходилъ уже по тихимъ улицамъ. Но въ 11 ч. утра 15 декабря— видѣлъ еще толпы черни на Невскомъ проспектѣ».

Историку Россійскаго Государства повелѣніемъ Императора Николая I. На барельефѣ Немезида, воздающая по дѣламъ, утѣшаетъ умирающаго историографа среди родныхъ и сыплетъ милости на его сиротъ.

Въ янв. 1826 года Карамзинъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ и сильно ослабѣлъ. Въ письмѣ И. И. Дмитріеву, 22 марта, онъ писалъ: «Слабѣю... хорошо бы удалиться отсюда лѣтомъ... Но куда и какъ? Наши способы? Мой характеръ? Александра нѣтъ. Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же, и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ заглохнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь въ духѣ и не ропщу... А. И. Тургеневъ тоскуетъ о Николаѣ (Ивановичѣ, декабристѣ)». Видимо, въ мысляхъ К. совершился, въ виду бунта декабристовъ, какой-то особый процессъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ К. сказалъ: «Не знаю, дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы, но знаю, что путь далекій и дорога весьма негладкая»... И другая мысль, высказанная Сербиновичу въ январѣ 1826 г.: «Я врагъ революціи, но мирныя эволюціи необходимы: онѣ всего удобнѣе въ правленіи монархическомъ».

«Въ послѣдней бесѣдѣ моей съ Александромъ, пишетъ Карамзинъ

1 декабря 1825 г., государь сказалъ, что дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ внезапно отнялъ Александра у Россіи» *). Въ проектѣ манифеста о восшествіи на престолъ имп. Николая I К. «безъ моего искания удостоенной довѣренности», между прочимъ, въ этомъ проектѣ писалъ: «Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный; тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословленіе Божіе и любовь народа россійскаго». Сперанскій передѣлалъ его проектъ, ибо «нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выражало бы характеръ или намѣренія новаго царствованія». Вмѣсто послѣдней фразы оказалось: «да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего» и пр.

21 марта больного Карамзина посѣтилъ М. М. Сперанскій и сообщилъ объ учрежденіи II отдѣленія собств. Его Величества канцеляріи для законодательныхъ работъ. К. сказалъ о законахъ: «надо собрать все безъ исключенія и потомъ уже отдѣлить то, что дѣйствительно имѣетъ въ настоящее время обязательную силу». 21 марта 1826 г. К. послалъ письмо имп. Николаю съ просьбой назначить его К. резидентомъ во Флоренціи для поправленія здоровья: «23 года по волѣ имп. Александра я неутомимо писалъ исторію, назывался государственнымъ историографомъ, но не получалъ никакого жалованья... кромѣ двухъ тысячъ (ассигнаціями) пенсіи, опредѣленной мнѣ, какъ почетному члену Московскаго университета (?). Я жилъ плодами своихъ трудовъ». 5 апрѣля К. поручилъ напечатать объявленіе о продажѣ экипажей, лошадей и мебели, за отъѣздомъ. Императоръ очень любезно отвѣтилъ 6 апрѣля и обѣщалъ устроить его пребываніе во Флоренціи для занятій своимъ дѣломъ, «которое стоитъ дипломатической корреспонденціи, особенно флорентійской». К., по словамъ Сербиновича, сказалъ 9 апрѣля: «онъ жалуетъ мнѣ фрегатъ для проѣзда». Между тѣмъ въ письмѣ отъ 13-го апрѣля К. писалъ: «Какъ мнѣ ни трудно было рѣшиться (на поѣздку моремъ) по нашему недостаточному состоянію и съ кучею дѣтей, но жена и семейство убѣдили меня ѣхать» (о казенномъ фрегатѣ— пока ни слова). Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 16 апрѣля 1826 г. значится: «Государь прислалъ мнѣ на годовое путешествіе деньги».

Кажется, лишь на Пасхѣ (1-й день— 18 апрѣля) было приказано приготовить фрегатъ для того, чтобы довести К. до Бордо. Объ императрицы принимали участіе въ больномъ Карамзинѣ. Но только 13 мая послѣдовалъ рескриптъ Николая I, писанный Жуковскимъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой... Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одной только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Александра... Пребываю вамъ всегда благосклонный Николай».

Сумма въ 50.000 р. асс. (15.000 р.) въ годъ была назначена Карамзину, а «послѣ него женѣ, а по смерти ея дѣтямъ до службы и дочерямъ до

*) Это выраженіе вызывало недоумѣніе еще у Погодина. Я думаю, что К. предчувствовалъ уже направленіе имп. Николая I-го; онъ не сообщилъ ему своей «Записки о древней и новой Россіи», и Николай узналъ о ея существованіи лишь въ 1852 г. Позволяю сообщить семейное преданіе. Родственникъ моего воспитателя А. А. Ревви, Д. М. Самойловъ, былъ дворецкимъ Карамзина и завѣщалъ А. А. Ревви сохранившійся у меня великолѣпный бронзовый письменный приборъ изъ двухъ группъ Петра В. и Карла XII (раненаго подъ Полтавой). Эти группы будто были подарены Н. М. Карамзину имп. Николаемъ якобы съ намекомъ на желаніе видѣть продолженіе «Исторіи» Карамзина. Но тотъ не хотѣлъ подарка, ибо не любилъ новаго императора, и заброшенный приборъ былъ отданъ дворецкому по смерти Н. М.

замужества послѣдней изъ нихъ». Когда этотъ пакетъ показали (14 мая днемъ) Карамзину, онъ, по словамъ А. И. Тургенева, произнесъ: «это значитъ, что я долженъ умереть»... потомъ началъ сердиться за количество суммы, говорилъ, что это слишкомъ много. Карамзинъ отвѣтилъ (или за него отвѣтили) благодарственнымъ письмомъ 15 мая 1826 г.. Съ 19 мая положеніе Карамзина ухудшилось, онъ терялъ сознаніе, съ трудомъ дышалъ; 20-го причастился св. Таинъ. Послѣднія слова его были женѣ, которой показалось, что онъ чего-то ищетъ, и спрошенный, что ему надобно, отвѣтилъ: «лежать и любить тебя»... 22 мая 1826 г. въ часъ и шесть минутъ пополудни не стало великаго русскаго историка.

Жуковскій писалъ о смерти Карамзина; «съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ я умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о кончинѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у Отца обителей много, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи преображаются для насъ во что-то свѣтло очевидное». Императоръ Николай пріѣзжалъ въ домъ Карамзина, чтобъ поклониться тѣлу, но *не входилъ* къ его женѣ и дѣтямъ, боясь ихъ безпокоить,—онъ былъ растроганъ и *заплакалъ*. Карамзина похоронили въ СПБ., въ Александро-Невской Лаврѣ, 25 мая. На камнѣ, покрывающемъ останки Карамзина, вырѣзаны слова Спасителя: «Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ».

Подведемъ итоги нашего обзора дѣятельности и личности Карамзина. Дѣятельность К. рѣзко распадается на двѣ половины: литературную, захватывающую XVIII вѣкъ, и историко-государственную, захватывающую въ XIX в. — все царствованіе Александра. Мелкопомѣстный дворянинъ бросаетъ военную карьеру, чтобы заняться и существовать литературой, что было новостью въ то время. Переводческая дѣятельность Карамзина относится къ области литературы нравоучительной и педагогической. Памятникомъ ея остается многотомное «Дѣтское Чтеніе». Путешествіе по Западной Европѣ побуждаетъ Карамзина по возвращеніи заняться журналистикой съ перевѣсомъ въ сторону чисто литературную. «Письма русскаго путешественника», стихи, бытовыя и историческія повѣсти проникнуты началами чувствительности и зародышами романтизма, которыя впервые появляются въ русской литературѣ въ такомъ объемѣ. Они создаютъ русскую читающую публику взамѣнъ отдѣльныхъ читателей прежняго времени и широко распространяютъ идеи человѣколюбія и гуманности. Развивая заложенное еще до Петровской литературой начало личной нравственности, Карамзинъ увеличиваетъ это поучительное начало присоединеніемъ къ нему новыхъ разнообразныхъ сторонъ реальной практической жизни. Для этой цѣли служатъ ему многочисленные издаваемые имъ сборники и переводы. «Если жизнью созданы страданія, то долгъ нашъ сострадать всякому несчастному, какого бы положенія онъ ни былъ». Карамзинъ въ этомъ воззрѣніи былъ уже близокъ къ современнымъ понятіямъ о томъ, что есть виноватые не по своей винѣ, а по винѣ полученнаго воспитанія; среды, возрастившей и окружающей человѣка; общества, въ которомъ онъ вращается; государства, недостатки котораго не исправлены ни доброю волей властей, ни законами, твердо установленными. Помимо этой проповѣди гуманности, К. является первымъ русскимъ историческимъ романистомъ и преобразователемъ русскаго литературнаго языка.

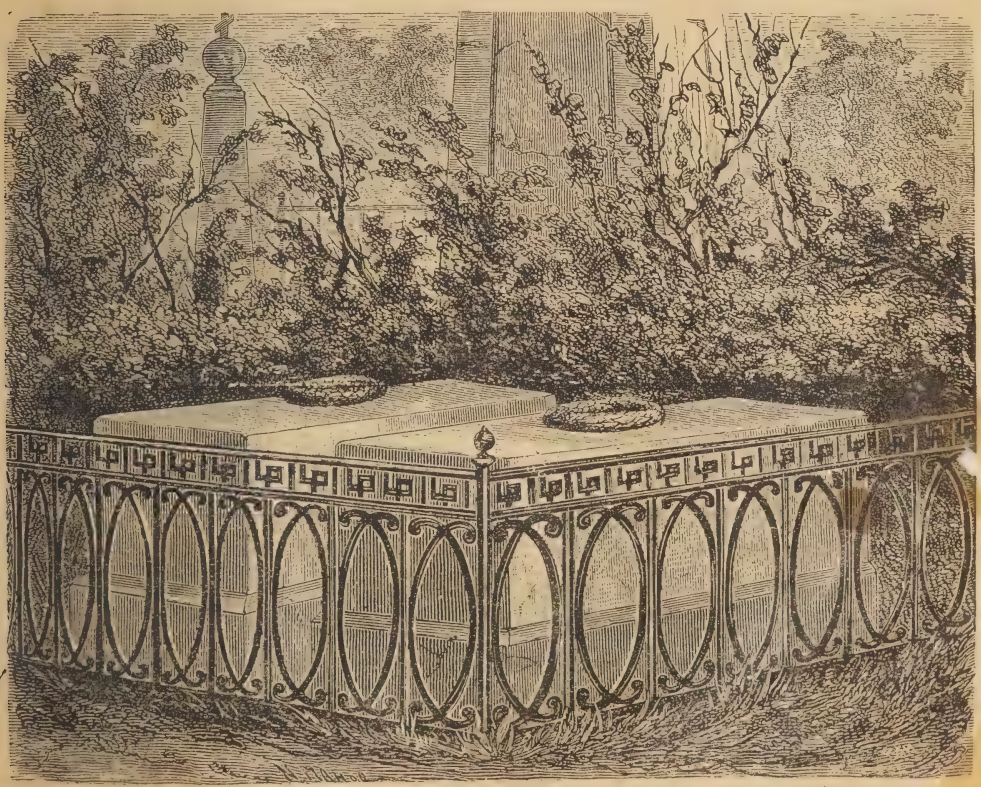
Принципы свободы, равенства и братства, (liberté, egalité, fraternité) въ сущности втайнѣ исповѣдуются Карамзинымъ какъ въ этотъ періодъ, такъ и въ послѣдующій. Никакого перерыва, или перехода изъ лагеря передового въ лагерь охранителей въ Ка-

Памятникъ Н. М. Карамзину по проекту Н. З. Панова въ с. Остафьевѣ, поставленный графомъ С. Д. Шереметевымъ.

рамзинѣ не было. Отсутствіе перехода отмѣчено уже и проф. С. Ѳ. Платоновымъ въ его рѣчи о К. (1911). Мое воззрѣніе нѣсколько другое. Карамзинъ, по моему мнѣнію, понималъ свободу, какъ торжество нравственной правды въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ. Онъ понималъ равенство между собою людей, стоящихъ на одинаковой ступени развитія, и опирался на распространеніе просвѣщенія, какъ на средство постепеннаго поднятія всѣхъ людей до высшихъ ступеней развитія. Онъ понималъ братство, какъ царство любви. Онъ отрицалъ всѣ насилія тираніи, откуда бы они ни исходили: отъ лица или толпы, отъ тирана или революціонера. Отсюда понятно, почему онъ проповѣдывалъ эволюцію, а не революцію, какъ въ литературный періодъ своей жизни, такъ и въ періодъ историко - государственный. Кровь жертвъ временъ Конвента такъ же возбуждала его негодованіе и отвращеніе, какъ и кровь жертвъ Іоанна Грознаго... Вотъ почему онъ искренно считалъ себя республиканцемъ и въ то же время вѣрноподданнымъ, и противорѣчіе между этими двумя опредѣленіями считалъ мнимымъ. Основанный Карамзинымъ «Вѣстникъ Европы» даетъ ему право на имя перваго русскаго публициста: статьи его напоминаютъ передовицы текущей прессы. Кипучая литературная дѣятельность необыкновенно живого, подвижнаго, несмотря на періоды меланхолическаго раздумья, Карамзина не угасала ни въ тяжелыя времена послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, ни въ мрачныя времена Павла. Ее не остановили, не сломали ни враждебное отношеніе масоновъ, ни правительственные доносы по масонскимъ дѣламъ, ни доносы на мнимо-якобинское направленіе сочиненій Карамзина, ни литературная полемика, ни матеріальная нужда, ни тяжелая потеря молодой, любимой жены. Но всякому овощу свое время. Любовь къ родинѣ, вступившей въ эпоху преобразованій первыхъ лѣтъ царствованія Александра I-го, заставляетъ Карамзина задуматься надъ ея прошлымъ. Вѣдь «настоящее есть результатъ прошлаго». Въ русской литературѣ появились новые люди— Жуковскій, Батюшковъ, и другіе вкусы, смѣнившіе вкусы временъ старика Державина, Дмитріева и самого Карамзина, а въ западной появился

Вальтеръ-Скоттъ, которымъ сталъ увлекаться и самъ Карамзинъ. Прибавимъ вліяніе возраста (35 л.), тяжесть пережитаго боевого напряженія въ борьбѣ съ людьми и нуждой, естественную потребность спокойствія въ связи съ все болѣе и болѣе серьезнымъ взлядомъ на задачу жизни— и передъ нами патріотъ - историкъ, счастливый судьбой и чистотою своихъ побужденій, ставшій другомъ царской семьи. Монументальный трудъ «Исторія Государства Россійскаго», которому К. отдалъ 12 лѣтъ безпрерывнаго труда и надъ которымъ онъ работалъ съ перерывами еще восемь лѣтъ, до гробовой доски— явленіе небывалое въ русской литературѣ и наукѣ. Ученыя достоинства труда Карамзина блекнутъ передъ популяризаціей русской исторіи среди читающихъ массъ. Послѣ блестящаго исхода 1812 года, зажегшаго любовь къ родинѣ, чувствовалась потребность къ самоопредѣленію этой силы на историческомъ основаніи, и это сдѣлалъ Карамзинъ. «Мы узнали свое отечество». Занятія русской исторіей воспитали взгляды К. и на государственныя задачи Россіи— и ихъ онъ выразилъ въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи». Она отдѣльными своими частями легла въ основаніе ученія славянофиловъ; ея же отдѣльныя воззрѣнія чувствуются во многомъ, пережитомъ нами до настоящаго времени.

Идеализація самодержавія, какъ основной силы русскаго государства, данная Карамзинымъ, еще и доселѣ сохраняетъ свою силу, и, кто знаетъ, не оправдаетъ ли и будущее общихъ воззрѣній Карамзина на грядущую судьбу единой Россіи: вѣдь онъ не отрицалъ ни избранныхъ совѣтниковъ при царѣ, ни господства твердо разработанныхъ на реальныхъ основаніяхъ законовъ,



Могилы Н. М. Карамзина и В. А. Жуковскаго на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петроградѣ.

ни отвѣтственности министровъ за подчинённую имъ бюрократію. Какимъ-то пророческимъ словомъ звучитъ его пожеланіе Россіи существовать долго, долго, если вѣчнаго не встрѣчается на землѣ.

Какъ человѣкъ, Карамзинъ стоитъ еще выше, чѣмъ какъ литераторъ, историкъ и политикъ. Если въ началѣ и можно было подозрѣвать К. въ деизмѣ, то въ послѣдующее время мы видимъ человѣка, глубоковѣрующаго въ Провидѣніе: съ этой вѣрою К. дожилъ до самой смерти, не впадая ни въ мистицизмъ масонства, ни въ ханжество временъ моднаго библейскаго общества, ни въ изувѣрство и обрядовое лицемѣріе временъ Фотія. Высшимъ пробнымъ камнемъ для всѣхъ житейскихъ дѣлъ онъ считалъ личную нравственность и благо другихъ.

Приближенный ко двору, К. не измѣняетъ себѣ и не примыкаетъ къ дворцовымъ партіямъ, не любитъ ни Аракчеева, ни библистовъ, негодуетъ на стѣсненія отъ цензуры, разгромъ университетовъ, военныя поселенія, смѣло противорѣчитъ самому государю и ничего для себя не ищетъ. Онъ писалъ когда-то: «Жить есть не писать исторію, не писать трагедію и комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моихъ осьми или девяти томовъ».

Потеряютъ свое значеніе сочиненія Карамзина, «Исторія Государства Россійскаго» перестанетъ читаться, перемѣнится государственная сторона Россіи, но образъ Карамзина, какъ человѣка, чистаго сердцемъ и беззавѣтно любившаго свою родину и человѣчество, всегда сохранитъ свое обаяніе. Россія не забудетъ имени Карамзина, какъ человѣка и гражданина.

Это прекрасно выразилъ Тютчевъ своими стихами на столѣтнюю годовщину рожденія Карамзина:

Мы скажемъ—будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный,
Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
Все человѣчески благое,
И русскимъ чувствомъ закрѣпить,—
Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца,
А вѣрноподданнымъ — Россіи!

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00051140585